

Борис Николаевич Бабкин

Проклятие старого ювелира

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=264062

Проклятие старого ювелира : [роман] / Борис Бабкин. : АСТ: АСТ

МОСКВА; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-062809-4; 978-5-403-02603-1; 978-5-17-062808-7;

978-5-403-02602-4

Аннотация

Разбитная девица, задержанная за пьяную драку, оказывается свидетельницей в необычном, сложном и страшном деле. В деле о контрабандных поставках уникальных золотых украшений, из-за которых было уже убито много людей.

Мафиозные группировки, почуявшие огромные деньги, насмерть бьются за право контролировать новый «бизнес»...

Однако следователь, ведущий дело, понимает: искать надо не курьеров и перекупщиков, а таинственного поставщика...

Содержание

***

Конец ознакомительного фрагмента.

4

124

Борис Бабкин

Проклятие

старого ювелира

Любые совпадения имен и событий этого произведения с реальными именами и событиями являются случайными

***

Молодой мужчина в джинсах и спортивной куртке, с серым дипломатом в руке, подошел к вагону с табличкой «Хабаровск—Москва» и, приветливо улыбнувшись симпатичной проводнице, достал паспорт и билет. К проводнице подошла молодая женщина в темных очках, держащая за ручку мальчика лет пяти.

– Проходите! – Мужчина, улыбаясь, отступил назад.

– Интеллигент, – усмехнулся стоявший метрах в пяти от вагона старший сержант милиции.

– Просто хочет мамашу пацаненка склеить, – сказал его напарник, рослый сержант.

Отпустив мальчика, женщина достала билеты. Мальчик поскользнулся на обертке мороженого, стал падать и ухватился за дипломат. Мужчина резко рванул руку с чемодан-

чиком. Мальчик упал на перрон и заплакал. Милиционеры бросились к вагону.

– Да что же ты? – закричала на мужчину проводница. – Ведь мальчишка нос разбил!

Мать присела около плачущего ребенка.

– Извините, – увидев милиционеров, растерянно обратился к женщине мужчина. – Я...

– Что бы он твоему дипломату сделал-то? – напустилась на него проводница. – Проверили бы вы, что там, – сказала она милиционерам. – Может, бомба?

– Извините! – Присев, виновник попытался помочь мальчику встать. – Я...

– Да отойди ты! – оттолкнула его мать малыша.

– Но я же, честное слово, просто...

– А что у тебя в дипломате? – подойдя ближе, спросил старший сержант.

– Бумаги, – ответил мужчина.

– Предъявляйте документы, – потребовал второй милиционер. Тот протянул паспорт. – Алимов Гарри Яковлевич, – прочитал сержант и посмотрел на него.

– Похож? – пытаюсь скрыть волнение, спросил тот.

– Что в дипломате? – вновь поинтересовался старший сержант.

– Бумаги, – повторил Алимов.

– Откройте, – потребовал милиционер.

– В чем дело? – Алимов отступил назад.

– Покажи, что в дипломате! – шагнул к нему сержант.

– Я же говорю вам, – обеими руками прижимая дипломат к груди, закричал Алимов, – бумаги!

– Козел! – процедил рослый длинноволосый блондин и, достав из кармана сотовый, быстро пошел к вокзалу.

– Ого! – округлив глаза, прошептал капитан милиции.

Патрульные, приведшие Алимова, подавшись вперед, изумленно уставились на открытый дипломат. Там, переливаясь разноцветными блестками, лежали ювелирные украшения из золота. Приглашенные понятыми пожилые мужчина и женщина, раскрыв рты, смотрели на них. Сжав голову ладонями, Алимов со стоном сел на пол.

– Вот это да! – удивился старший лейтенант милиции. – Товарищ майор, – позвал он сидевшего за другим столом офицера, – гляньте.

– Что там? – недовольно спросил тот.

– Да вы посмотрите, – повторил старлей.

Майор взглянул на лежащую на столе женскую сумочку.

– Да, – выдавил он и осторожно взял тонкую золотую цепочку с золотым кулоном в виде сердечка с переливающимся всеми цветами радуги небольшим камешком. Повернувшись, взглянул на сидевшую за решеткой камеры приемника женщину в джинсах и майке. – Откуда у тебя это?

– Мужчина подарил, – вызывающе ответила та.

– И кто ж этот миллионер? – весело спросил вошедший в дежурку рослый молодой мужчина в темных очках.

– Привет, Федоров, – кивнул майор. – Видал? – Он показал цепочку и перевел взгляд на лежавшие рядом с сумочкой золотые массивные сережки, кольцо и два браслета.

– Да я из-за этого здесь, – кивнул тот. – Кто ж это у тебя такой богатенький? – улыбаясь, спросил он женщину. – Сделай милость, Люсьен, просвети, жажду познакомиться с ним.

– Да иди ты, мусор! – отвернулась женщина.

– Значит, будем оформлять, – с деланным сожалением проговорил Федоров, – по статье расстрельной. То есть на пожизненное пойдешь, – поправился он. – За этими безделушками крови корыто и маленькое ведерко. Не ожидал от тебя такого.

– Да ты что? – всполошилась женщина. – Какая, на хрен, кровь? Отмычка в жизни даже харю никому не бил!

– Значит, Отмычки подарок? – удивленно отметил майор. – Так его ж в городе вроде и не видели.

– Пошли, – открыв дверцу, пригласил Люсьен Федоров, – потолкуем малость. С чем ее привезли? – спросил он майора.

– С такой же шалавой в баре на Тверской подралась, – рассмеялся тот. – Как кошки сцепились. Убыток бару нанесли.

– Отмажу по старой памяти, – пообещал Люсьен Федоров. – Конечно, если ты со мной откровенной будешь.

– Так чего мне тебе фуфло-то двигать? – затараторила перепуганная Люсьен. – Илья был у меня пять дней назад. Вот он и подарил эти побрякушки. Но он домушник и на жмура не пойдет никогда, ты же знаешь, капитан.

– Знать-то знаю, – сказал Федоров, – но сейчас времена другие пошли. Домушники с пушками на дело ходят. Может, и Отмычка масть поменял. Не видела у него ствола?

– Да какой ствол, – отмахнулась она, – и в морду дать не может, а ты...

– Я увожу ее на Петровку, – сообщил капитан.

– Забирай, – зевнул майор.

– А со второй что делать? – спросил старший лейтенант.

– Что хочешь, – отмахнулся Федоров.

– Все получилось случайно, – объяснил подтянутый подполковник милиции. – В баре вспыхнула драка между женщинами. А мимо проезжала машина ДПС. С патрульными ехал майор Ягунин из отдела по борьбе с незаконным оборотом драгоценных металлов. В Санкт-Петербурге и Москве были задержаны продавцы драгоценностей, которые на аукционе могли бы поспорить с изделиями ведущих ювелирных фирм. На поставщика выйти не удалось. И вот в баре, куда вместе с патрульными вошел Ягунин, он увидел на одной из драчуний те же самые украшения, по которым отдел работает уже почти полгода. Ягунин связался со мной, и я отправил за некой Людмилой Лапшиной капитана Федорова. Он умеет находить общий язык с...

– И что дальше? – не дал договорить ему пожилой мужчина в прокурорском мундире.

– Люсьен, то есть Лапшина, сообщила Федорову, что драгоценности ей подарил Замков Илья Петрович, известный

нам как Отмычка, вор-домушник. Детдомовец, в прошлом студент политехнического института. Был арестован на втором курсе за серию квартирных краж, осужден на пять лет. Освободился по окончании срока, а через год был объявлен в розыск за кражу коллекции древних монет из квартиры одного нумизмата.

– Понятно, – кивнул прокурор. – Значит, Отмычка... Помню я этого деятеля. На третьем его судебном процессе был обвинителем. Он тогда обчистил квартиру одного наркоторговца. Благодаря этому и накрыли линию наркодельцов. Думали, Отмычку убьют, но, видно, обошлось.

– Мужики из отдела сработали умно, – сказал подполковник. – Наркоторговцы не связали кражу с арестом. И к тому же это была неустойчивая, наспех собранная группа.

– Черт с ними! Надо искать Отмычку. Что говорит его подруга?

– Он в Хабаровск уехал. А сегодня он даст показания.

– Отмычка? – недоверчиво переспросил прокурор. – Да он тот еще тип, и...

– Отмычка никогда не идет в сознанку сам, – поправил его милиционер. – Но если факты говорят о его участии в деле, не отпирается.

– Не хотелось бы вмешивать сюда хабаровских, – вздохнул прокурор, – на это есть причины. В Хабаровске задержан курьер, некто Алимов Гарри, он же Гарик и Ловец. Задержан с товаром. Случайно взяли. Правда, Алимов молчит,

и не хотелось, чтобы...

– В Хабаровске находится наш сотрудник, – улыбнулся подполковник. – Кстати, знакомый с Отмычкой лично. Он все сделает как надо. Но не мешало бы арестовать и Василя Торбу. Именно в его коттедже были...

– Погоди, – остановил его прокурор, – а откуда это известно?

– На квартире Люсьен найдены бумаги – адрес коттеджа Торбы, подробный план территории. И пока Торба не узнал о...

– Ладно, – кивнул прокурор, – бери его. Конечно, санкцию судья не даст, но чем черт не шутит, пока Бог спит... Вдруг что-нибудь найдут у Торбы. Но через двое суток ты его выпустишь.

– Конечно, – улыбнулся подполковник. – А вдруг фортуна улыбнется и при шмоне мы что-нибудь найдем?

– Подполковник милиции, – упрекнул прокурор, – а говоришь как блатной.

– Про таких, как Торба, – виновато ответил подполковник, – и говорить только по фене хочется.

– В общем, работай, – кивнул прокурор. – Надо выходить на поставщика этого товара. Кто-то очень серьезно занялся золотым делом. Наверняка и добыча, и цеха собственные по изготовлению украшений. Качество отменное. Вот время настало, – вздохнул он. – На явное нарушение процессуального кодекса иду, но уж больно хочется взять этого делягу

и посмотреть ему в глаза. В них наверняка страх будет. Эти деляги тюрьмы боятся больше, чем смерти. В общем, работай. И запомни – у нас двое суток.

– Понял, – поднимаясь, кивнул подполковник.

* * *

– В чем, собственно, дело? – возмущенно спрашивал идущих по бокам милиционеров худощавый мужчина лет тридцати пяти. – Берете у двери вагона, ничего не объясняя. На виду у женщины, с которой я вполне мог бы связать свою судьбу...

– Заткнись, – улыбаясь, посоветовал подтянутый молодой мужчина в темных очках.

– Е-мое, – остановившись, удивленно пробормотал худощавый, – никак объелся чего-то, глюки начались. Откуда в этих краях взялся капитан МУРа Ларионов? Или вышибли из столицы за недостойное поведение?

– Заткнись, господин Замков, он же вор-домушник по кличке Отмычка, – засмеялся Ларионов.

– Клички у собак, – вздохнул Отмычка. – У меня уголовное прозвище.

– Прошу! – Открыв дверь, Ларионов сделал приглашающий жест.

– Вот если бы ты оттуда мне так показал... – Отмычка покачал головой. – А я что-то не въеду, – посмотрел он на

капитана, – какого хрена ты меня вдруг...

– Ты же опытный домушник, сам никогда не попадался. Постоянно из-за своих дамочек. А вот что с такой, как Люсьен, спутался...

– Шалава! – не дослушав, процедил Замков. – Где она светанулась?

– Отъезд твой в баре отмечала и сцепилась там с какой-то знакомой. Их взяли, ну и...

– Шалава, – повторил Отмычка. – Но в чем дело-то? – спросил он. – Я эти цацки купил за литр у какого-то алкаша на Ярославском, когда за билетом ездил. Так что...

– Пошли, – рассмеялся капитан. Отмычка встал. – Кабинет отдельный, – пожимая руку лысому майору милиции, сказал Ларионов. – И этого отдельно пару суток подержи. Я его с собой заберу.

Отмычка, подняв руки, дал сержанту обыскать себя.

– А ты, капитан, ради меня в эти дикие края прикатил? – поинтересовался он.

– Ага, – усмехнулся Ларионов, – чтобы ты помог отыскать того алкаша, у которого украшения купил. Кровушкой они порядочно вымазаны.

– Хорош, мент, – усмехнулся Отмычка, – не держи меня за первоходка.

– Ты же знаешь, – спокойно проговорил Ларионов, – я из убойного отдела, и встречались мы с тобой, когда я Резаного брал. Все понял?

– Е-мое, – пробормотал Отмычка, – а ведь в натуре Ларионов по жмурам работает. Вот влип я...

– Пошли потолкуем, – сказал Ларионов. – Сигареты возьми, – разрешил он.

– Пусть чифы заварят, – сунув в карман пачку «ЛМ», буркнул Отмычка.

– Послушайте, Алимов, – сказал коренастый мужчина в штатском, – не надо строить из себя идиота. Дипломат ваш, и изъяли его...

– Без адвоката, – перебил Алимов, – я говорить отказываюсь. Сейчас по закону положено...

– Слушай, гнида, – подавшись вперед, процедил коренастый, – тебе тридцать три. Прибавь двадцать пять и сообрази, что тебя ожидает по выходе. Если, конечно, выйдешь. Там очень не любят таких деляг, как ты. К тому же мы тебе запросто здесь можем устроить веселую жизнь. В камерах ИВС нередки случаи изнасилования. Ну а в СИЗО тебя будут ставить раком все двадцать сокамерников. Публика разношерстная, но к таким, как ты, относятся все хреново...

– Не надо гнать жути, мент, – усмехнулся Алимов. – У вас ничего нет, и хрен вы мне чего докажете. Нашел я этот дипломат и буду этого держаться до последнего, и ни черта вы на меня не навесите.

– До суда дело ни разу не доходило, Ловец, – сказал дознаватель. – Но на этот раз ты прочно сел задницей на крюк, и впаяют тебе по самое некуда. Все-таки драгоценностей на

триста тысяч долларов. Кстати, фирма ваша работает на совесть, качество отменное. Я бы на твоём месте раскололся. Это учтёт суд, и получишь минимум. За примерное поведение скостят ещё, так что года через четыре вполне можешь обрести волю вольную.

– Без адвоката, – повторил Алимов, – я разговаривать отказываюсь. И прошу дать мне бумагу и карандаш. Буду писать жалобу в прокуратуру. Надеюсь, ты, мент, мужчина и не откажешься от своих слов о камере, где меня будут ставить раком?

– Конечно, нет, и ты все получишь по полной программе. Он нажал кнопку вызова. Алимов, оттолкнувшись ногами, бросил тело через стол, сбил дознавателя на пол и вцепился ему в горло. В кабинет вошёл рослый сержант с дубинкой и, рванувшись вперед, сильно ударил навалившегося на хрипевшего дознавателя дубинкой между лопаток.

– Понятно, – кончив писать, кивнул Ларионов. – Молоток! – посмотрел он на Отмычку. – Я думал, финтить дальше будешь.

– Так ведь на хате Люсьен нашли мои каракули, – вздохнул тот. – Там и фамилия, и адрес терпилы. Чего ж мне мозги канифолить... Но вот почему тебя за мной послали? Не въеду никак... Тебя деловые Волкохватом кличут. Говорят, ты не мент, а зверь голимый. Про банду Туза постоянный базар идет. Ты же один их брал.

– Я вас давил, давлю и буду давить, – ответил Ларионов.

– Не думал я, что молдаванин мокрушник, – пробормотал Отмычка. – Что захомутают меня, тоже мысли не имел. И все эта шалава... Три раза горю, и все из-за шкур! – Он плюнул. – А чего эта Ева яблоком не подавилась? – Ларионов рассмеялся. Неожиданно послышались топот и громкие крики. – Кого-то товарят. – Отмычка кивнул на дверь. – Развязала вам руки демократия.

– А сейчас вашего брата столько повывлезало, – усмехнулся капитан, – что, будь моя воля, на месте бы стрелял. Ладно, ты вор, что, конечно, тоже хреново, но все-таки не убийца или похититель людей.

– Но неужели Торба мокрушник? Что-то не верится.

– А зачем ты в Хабаровск приехал? – спросил Ларионов.

– По делам.

– Квартиру присмотрел?

– Да нет... Слышь, капитан, – помолчав, сказал Отмычка, – отпусти меня.

– Ну ты и даешь! – усмехнулся Ларионов. – Я...

– Ты не понял! – горячо перебил Замков. – На день. Сукой буду, если не вернусь! Ну хоть на пару часов. Во сколько скажешь, во столько и явлюсь.

– Хорош! – махнул рукой капитан. – Ты же понимаешь, что не за тем я тебя пригласил, чтоб отгулы тебе давать.

– Мент, он и есть мент... – Отмычка вздохнул.

Капитан внимательно посмотрел на него:

– А зачем тебе это надо?

– Да ладно, базар окончен. Отправляй в хату. Только, если можно, не к шелупони или крутым качкам, а в мужицкую.

– В одиночке будешь, номер-люкс для тебя заказан. Ты мне здоровый нужен.

– Перепало ему прилично, – проговорил врач, – но ничего серьезного нет. Пара суток, и будет хоть куда.

– А наш как? – спросил невысокий полковник милиции.

– Шишка на затылке и шея поцарапана.

– Надеюсь, Алимову не понадобится больница? – хмуро осведомился полковник.

– Обойдется, – усмехнулся врач.

– Нормально, – улыбаясь, проговорил невысокий мужчина с кустистой бородкой и взвесил в руке брезентовый кисет. – Хозяин доволен будет.

– Что-то он с расчетом тянет, – недовольно заметил куривший самокрутку рыжебородый здоровяк. – Базарил, что расчет будет разом, как только металл притащим. А сам...

– Там, похоже, неприятности, – зевая, вмешался полный мужчина. – Я базар подслушал. Кто-то у них запалился с товаром. Сейчас тут...

– И в Хабаровске у них кого-то хапнули, – перебил его, открывая банку с пивом, мужчина в грязном камуфляже. – Похоже, мужики, отваливать нужно, пока нам лапти не сплели.

– Я так же мыслю, – поддержал здоровяк. – Золотишка мы неплохо хапнули, и можно сдернуть, пока сюда...

– Мы дальше Хабаровска не уйдем, – остановил его невысокий. – Или парни Барона нас уделают, или под ментов попадем. У нас и бабок на билеты нет. К тому же на билетах сейчас фамилии пишут.

– Верно, – недовольно согласился мужчина в камуфляже. – Сейчас просто так не выехать. А Барон, если прижмут, о нас сразу расколется и крайними пустит. Напоеет, сука, что мы его принуждали золотишко покупать, и все дела.

– И кто же в это поверит? – хмыкнул здоровяк.

– А сейчас у кого бабки, – усмехнулся полный, – тому и вера. Барон с господами крутится, и в столице у него связи. Вот и будем мы крайними. Тот, кого хапнули, тоже на нас укажет. Барон вообще в стороне остаться может.

– И что же нам делать? – нервно спросил здоровяк.

– Может, в тайгу двинем? – предложил камуфляж. – Подождем трохи. Как более-менее прояснится, нарисуемся. Барону нас тоже не в кайф подставлять. Мы ведь, если хапнут, молчать не станем. По-моему, самое правильное нам в тайгу податься подальше. А там...

– Верно Суслик базарит, – поддержал его здоровяк. – Я, например, сегодня же утопаю.

– Но запомни, – угрожающе проговорил по телефону бритоголовый загорелый мужчина, – если меня возьмут, ты в стороне не останешься.

С треском впечатав трубку на рычажки, выругался. Сидевшая в глубоком кожаном кресле коротко стриженная

брюнетка усмехнулась.

– Чего скалишься? – ожег ее взглядом мужчина. – Если думаешь, что ты краем пройдешь, ошибаешься. Твой цех сразу на крюк подхватят, и тогда понимаешь, чем все кончится.

– Почему ты так разволновался? – насмешливо спросила она. – Вообще-то ведь еще никто ничего не сказал. И я думаю, Алимов не настолько глуп, чтобы откровенничать с милицией. К тому же сейчас больше трех суток его не имеют права держать под стражей. А санкцию на арест дает судья. Подключи Хамелина.

– Ты думаешь, что говоришь? Этого придурка взяли с товаром на сумму...

– Это ты не думаешь! – вспыхнула женщина. – Товар брали у тебя.

– У нас, – поправил мужчина.

– Тем более. Если никто из этих господ не поможет избежать свидания с органами, я молчать не стану и обязательно скажу обо всех. И тогда неизвестно, кому хуже будет.

– Да, – бритоголовый вздохнул, – ты еще та стервоза, Илина. Кстати, никак не пойму, почему Илина, а не Ирина?

– Так дед с бабушкой назвали, в честь какой-то польской подруги бабушки. Но ты не уходи от темы. Как я поняла, ты разговаривал с...

– Ты правильно поняла. Ничего хорошего я не услышал. Они только брали да обещали, что все будет хорошо. Рабо-

тайте спокойно, – усмехнулся бритоголовый, – так говорили. А вот коснулось дела, и все! – Он выругался. – А самое главное – в Москве тоже что-то не так.

– Что именно? И с чего ты это взял?

– Предчувствие, милая моя. Меня оно никогда не подводило. И сейчас я лихорадочно ищу выход. Но ничего не могу придумать и от этого бешусь. И страх обуял. Никогда себя так плохо не чувствовал.

– Знаешь, – вздохнула Илина, – я всегда считала тебя сильным, умным и уверенным человеком. А сейчас вдруг поняла, что ошибалась.

– Я был уверенным, когда все было спокойно и деньги шли. А сейчас боюсь. Тюрьмы, уголовников в камере, самой камеры. Я всегда боялся тюрьмы. Когда ее показывали в кино или в новостях, я не смотрел. А сейчас понял почему. Это расплата за все мои дела. Я же сволочь. Мама умирала, я ей не помог деньгами, потому что раскручивал свое дело. А купи я ей лекарства, может, она была бы жива. Брат спился и умер под забором. А ведь я мог вытащить его, но снова нужны были деньги, а я как раз...

– Хватит о том, что было. Надо делать что-то сейчас. Иначе твой воображаемый ужас станет действительностью.

– Я не пойду в тюрьму. Убью себя, но в тюрьму не попаду.

– Надо делать что-то. Ты, Леня...

– Что делать-то?.. Я пытался, но не знаю, что можно предпринять...

– Убить задержанного, пока он не начал давать показаний.

– Он еще в милиции, – вздохнул Леонид. – Мысль, конечно, замечательная, – усмехнулся он, – но я не знаю, как это делается.

– Ладно, попытаюсь решить эту проблему. А ты выясни, что произошло в Москве.

– Постараюсь.

– Надеюсь, ты понимаешь, – осторожно сказал сидевший в кресле с сотовым телефоном у уха седой мужчина, – чем это может кончиться для нас. Интересно, что ты думаешь об этом?

– Это не телефонный разговор, – услышал он мужской голос. – Нам надо встретиться и все обсудить. Как я понял, Барон перепуган.

– Приезжай ко мне немедленно, – приказал седоголовый.

– Ты просто не понимаешь, – устало вздохнул полный лысый мужчина в шортах, – что произойдет, если он начнет давать показания. Я не знаю, что именно там произошло, но звонок Барона поверг меня в ужас. Ведь это... – Не договорив, он положил ракетку на теннисный стол, отошел в сторону и сел в глубокое плетеное кресло. Взял у стоявшего рядом крепкого парня полотенце, промокнул вспотевший лоб.

– Перестань, Исак, – спокойно проговорила миловидная блондинка, садясь рядом. – Пить, – вздохнула она. Парень, открыв сумку-холодильник, вытащил бутылку с минералкой. Открутил крышку, налил полфужера и подал ей. Отпив,

она вернула фужер. – Я не думаю, что Хамелеон позволит ему это сделать.

– А что он может? – покачал головой Исак. – Ведь в свете теперешних событий он останется в стороне. Конечно, будет опасение, что я могу...

– Я полечу туда, – перебила его женщина, – и все улажу. Надо торопиться, пока он там.

– Это, конечно, выход, – кивнул он, – но что ты можешь сделать?

– На месте будет виднее, – улыбнулась женщина. – А сидеть сложа руки и ждать – тогда уж точно ничего не исправит. Я вылечу сегодня же и сразу свяжусь с тобой.

– Возьми с собой людей, – помолчав, проговорил Исак. – Я буду чувствовать себя спокойнее. Все-таки там совсем другой мир, а значит, может случиться все, что угодно.

– Господи, – рассмеялась она, – ты забыл, что я современная женщина и вполне могу постоять за себя. Но ты прав. Вполне возможно, возникнет конфликтная ситуация с его людьми.

– Торба вышел, – входя, сообщил коренастый мужчина в светлом костюме. – Отпустили под подписку о невыезде. Конечно, пришлось немало потрудиться, – вздохнул он, – но...

– Не набивай себе цену, Суриков, – пренебрежительно отмахнулась женщина, – ты получил достаточно.

– Вы, милейшая Кристина Аркадьевна, – спокойно возразил он, – забываете небольшую, но весьма существенную де-

таль: Торбу задержали по подозрению в незаконном обороте драгметаллов. А государство очень жестко контролирует оборот драгоценных металлов и всего, что с этим связано.

– Знаешь, Феликс, что мне в тебе не нравится? – усмехнулась Кристина. – Твоя манера разговора. Ты порой увлекаешься и говоришь много лишнего. Это тебе не судебное заседание, где красивыми речами сбивают с толку судью и присяжных. Ты сказал, что Торба вышел. Но почему тебя это волнует?

– Видите ли, – ответил Феликс, – Торба просит деньги за свое молчание. Я, конечно, пытался вразумить его и объяснил, что он получит намного меньший срок, если будет доказано, что он винтик в машине этого подпольного бизнеса. Но, увы, господин Торба этого не понимает. Он считает, что вы потеряете гораздо больше, если он будет...

– И он прав, скотина!.. – процедил Исак. – Сколько он хочет? И зачем ему деньги, если нет уверенности, что все обойдется?

– Насчет уверенности, – улыбнулся Феликс, – пятьдесят на пятьдесят. Показания задержанного воришки, который уверяет следствие, что найденное у него золото принадлежит Торбе, против показаний Василя, который утверждает, что его не обворовывали, а просто оговорили. Обыск на квартире Торбы ничего конкретного не дал. Неприятности у Василя могут начаться после того, как в Москву будет доставлен жулик. Проведут следственный эксперимент, и тогда гос-

подину Торбе отпираться будет бессмысленно. Жулик покажет, как залез в коттедж, где и что брал. Вот тогда у господина Торбы действительно начнутся проблемы. И он, думаю, с помощью денег хочет обезопасить себя.

– Понятно, – кивнул Исак. – Но слишком мало времени...

– Подожди, милый, – не поняла Кристина, – что вы имеете в виду?

– Как только этого воришку, – сказал Исак, – привезут под конвоем в Москву и посадят в камеру, его убьют уголовники. Сейчас это делается очень просто. Подозреваемых до суда содержат в камерах, и бывает, что карманник сидит вместе с матерым убийцей. А заплатив деньги, запросто можно руками того же убийцы, которому в любом случае терять уже нечего, убрать неудобного тебе уголовника. Кроме того, можно спровоцировать беспорядок, и тогда надзиратели пришибут того, кого надо. Такое, правда, чаще делается в небольших тюрьмах, но вполне может быть использовано и в нашем случае.

– А где сейчас этот вор? – Кристина посмотрела на Феликса.

– Где-то на севере, – неопределенно отозвался тот. – Я узнаю, где именно. Сейчас эта информация закрыта для защиты.

– А Торба уверен, – спросил Исак, – что все получится?

– Для этого ему и нужны деньги, – ответил Феликс. – Пустить свои в дело он не может. Его счета...

– Понятно, – перебил Исак. – Приедешь вечером, и мы все обсудим, – выпроваживая его, сказал он.

– Хорошо, – кивнул Феликс, – до вечера. – Он вышел.

– Это тоже проблема, – вздохнул Исак. – Правда, сам Торба подсказал мне выход. Если он заговорит, то его...

– Вот именно, – согласилась Кристина. – Слышал, что сказал Феликс? В глуши это делают вообще запросто.

– Исключено. Ты хотела ехать туда, езжай. Возьми с собой Робота и его парней.

– Я об этом говорил, – держа руль свободной рукой, сказал Феликс по телефону. – Он обещал все решить вечером.

– Надеюсь, решит правильно, – пробурчал в телефонную трубку невысокий черноволосый мужчина.

– Василь! – громко позвала женщина. – Ты будешь есть? Я приготовила твои любимые...

– Погоди, Ганка. – Положив трубку, он тяжело вздохнул. – Но как этот гад забрался? И ведь нашел, паскуда. Попался бы мне, я бы его, гада, пополам разорвал.

– Успокойся, Василь, – в комнату вошла молодая женщина, – все будет хорошо. Ведь тебя отпустили.

– Этого гада взяли и скоро доставят сюда. Он, гнида, покажет, как и где брал, и тогда что я буду говорить следователю? Продолжать отпираться? Но у них появится уверенность, что я все-таки замешан в этом. Да и еще... – Не договорив, он выматерился.

– Тише, Петрусь услышит. – Ганна оглянулась на дверь.

– Пусть мужиком растет. Понимаешь, в чем дело, Ганна, ведь те, кто со мной связан, просто так это тоже не оставят. Прирежут в подъезде, и все дела, понимаешь?

– Так уж и прирежут! – испуганно ахнула она.

– Депутатов стреляют, милиционеров, а уж такого муравья, как Торба Василь, – запросто. И патроны тратить не станут. Прирежут, и хрен, мол, с ним. – Он взял сигарету. Щелкнул зажигалкой, но не прикурил. – Кто его навел? – не отрывая взгляда от огонька зажигалки, тихо спросил он. – И кто показал, где все лежало? Кто-то из своих. Узнаю, на медленном огне поджарю!..

– Да кто ж мог на такое пойти-то? Скорее всего этот ворюга...

– Без подсказки, – возразил Василь, – здесь никто ничего не нашел бы. И даже войти не смог бы. Вот и надо выяснить, что за вошь завелась у нас. И я обязательно узнаю.

– Может, лучше бросить все это? – нерешительно предложила жена. – Иначе...

– Заткнись! Не лезь в мои дела. Занимайся домом и сыном.

– Зачем ты так? – обиделась Ганна.

– Извини, – он ткнулся губами в ее щеку, – просто бешусь. Но я все равно найду наводчика. А что навели этого воришку, точно.

– Воришку? – усмехнулся вошедший Феликс. – Этот воришка – профессиональный домушник. Сидел трижды, но

не сам попадался, а женщины его губили. И в этот раз так же. Какая-то шлюха надела эти цацки...

– Кто он? – перебил его Торба.

– Пока не знаю, но очень скоро выясню. А то, что на тебя навели, ты прав. – Он с усмешкой посмотрел на Ганну.

– Ты что так смотришь?! – вспыхнула она.

– Я предупреждал, – спокойно ответил он, – чтобы ты не светила в своих безделушках. Все получилось очень просто: этот ворюга засек украшения на твоей благоверной, проследил, а остальное...

– Он нашел сейф, – перебил Торба, – о котором было известно только мне. Набрал шифр, который знал опять-таки лишь я...

– Выходит, навел вора ты, – спокойно заметил Феликс.

– Да ты что такое городишь-то? – заорал Торба. Но, подумав, сказал: – А ведь действительно так можно подумать. – Феликс рассмеялся. – Вот чертовщина, – задумчиво проговорил Василь. – Выходит, кто-то еще знал. Кто же?

– А может, просто повезло вору? – предположил Феликс.

– Исключено. Он мог орудовать в течение часа. За это время подобрать шифр невозможно. Сейф можно найти, только нажав последовательно три выключателя. Менты, когда делали обыск, не додумались, а он нашел. Кроме того, шифр архисложный, – Василь выматерился и закурил, – порой я и сам путаюсь. Но я убежден – подсказать ему действительно никто не мог. Поэтому вообще ничего не понятно.

– Интересно, – усмехнулся Феликс, – как же он тебя обчистил? Может, ты под гипнозом был?

– Да иди ты, – рявкнул Василь, – вместе с гипнозом!

– Ладно. Сейчас это уже не так и важно. Потом, разумеется, все выяснится. Вот что, ты все, что есть в доме и в квартире, убери подальше.

– Да нет у меня ничего, все увез. За это можно не волноваться. Ты мне вот что скажи, – Торба вздохнул, – по его показаниям меня могут посадить?

– Учитывая интерес милиции к драгоценностям, ведь двое уже попались, запросто. Они уверены, что где-то имеется фабрика, изготавливающая эти драгоценности, а значит, кто-то поставляет золото и алмазы. И тебя скорее всего посадят.

– Утешил. Но не думай, что я буду...

– На твоём месте я бы этого не говорил, – перебил Феликс, – и даже не думал. Ведь самое простое сейчас для твоих компаньонов – убрать тебя.

– Я тебе говорил, – обратился к жене Василь, – и видишь, как оно оборачивается.

– Поэтому, – улыбнулся Феликс, – я и говорю, что даже не думай об этом. А вот линию защиты нам нужно вырабатывать. Вор указал, где он украл драгоценности. Правда, речь идет только о двух браслетиках, цепочке с кулоном и серьгах. Про остальное вор, разумеется, не сказал, потому как ему это невыгодно. Ты вполне мог купить эти побрякушки.

– А если он отдаст все? – нервно спросил Торба. – Надо найти эту шалаву, из-за которой все началось. Правда, кто она, мы не знаем, но надо узнать.

– Как?

– Это попробую сделать я. У меня есть знакомые среди муровцев. Правда, после дела об «оборотнях» и они стараются держаться подальше от таких, как я, но деньги любят все, а в том, что они назовут имя этой шлюхи, я почти не сомневаюсь.

– Так в чем дело? Вперед, Мальбрук.

– Какой еще Мальбрук? – удивленно спросил Василь.

– Мальбрук в поход собрался, – рассмеялся Суриков. – Есть такая французская песенка. Давай-давай! – поторопил он Василя.

– С ней надо разобраться, – говорила Кристина, – узнать о ее приятеле и выяснить все, что она знает о случившемся.

– Сделаем, – кивнул мускулистый молодой мужчина. – Кто она?

– Люсьен. Лапшина Людмила Петровна. Живет...

– Знаю я эту Люсьен, – рассмеялся мужчина. – Та еще штучка. Видел, значит, я этого домушника. Мы с парнями отмечали выход Арнольда и...

– И что?

– Там Люсьен была с мужиком. Такой обыкновенный и прикинут дешевенько. С ним здоровались какие-то прибранные.

– Так узнай, кто этот знакомый.

– У Люсьен и узнаю.

– Тогда вперед.

– Когда едем в Хабаровск?

– Завтра.

– Вопрос имеется: как там насчет стволов?

– Будут. Я уже договорилась.

– Привет, – входя, кивнул Федоров. – Как дела?

– А чего тебе до моих дел? – недовольно спросила открывшая дверь Люсьен. – Об Отмычке я тебе все сказала, а больше ничего не знаю. Так что валил бы ты, мусор.

– Вот она, благодарность, – посмеиваясь, проговорил оперативник. – Я отмазал тебя от дела в баре, а ты...

– Говори, чего надо, – перебила она, – и отваливай.

– Никто не наведывался?

– А кто может наведываться? Если ты думаешь, что за Отмычку с меня кто-то получать придет, ошибаешься.

– Да не за Отмычку. Ведь наверняка есть еще драгоценности. Отмычка по мелочам не работает, и не отдал бы он тебе последнее. А за этим могут прийти.

– Слушай, мент, не думай, что ты меня на фуффло о мокрухе купил. Просто не хотела я в ментовку за эту шкуру, с которой сцепилась, попадать.

– Выходит, знаешь, что украшения не с трупа сняли, – рассмеялся Федоров. – Но ты все-таки подумай. Я не просто так тебе говорю про интерес...

– Не пудри мне мозги и двигай отсюда.

– Вот номер телефона, – милиционер положил на стол листок, – если вдруг наведаются, позвони. Сразу они тебя резать не будут. Ну, может, фингал подвесят, чтобы впечатление оставить.

– Двигай, мент! – Взяв листок, она разорвала его и обрывки выбросила в форточку. – Мне твои координаты ни к чему.

– Как знаешь... – Федоров вышел.

– Мусор поганый, – процедила Людмила. – Я в натуре купилась на труп, поэтому и сдала Отмычку. Ментяра поганый! – Она плюнула на дверь.

– Ты, – Федоров показал наверх, – иногда заглядывай к Лапшиной. Неприятности у нее могут быть.

– Понял, – кивнул старший лейтенант милиции. – Правда, она в последнее время вроде как за ум взялась. Раньше в ее квартире притон был. Я ведь полгода как участок принял. Тогда с ней хлопот больше всего было.

– Ты ее дружка видел?

– Нет. Говорили, что ездит к ней какой-то. Хотел посмотреть, да как-то не довелось. Он ее приодел, приобул и в квартире вроде ремонт сделал. Телевизор новый у Людмилы появился. И сам, говорят, такой вежливый, спокойный. Скорее всего какой-нибудь командированный. Людмила красивая женщина и, когда хочет, вести себя умеет. Она же сидела три года, вот и бывает, что по-блатному разговаривает.

– В общем, не забудь, что я сказал.

– Буду присматривать. Да у меня здесь и помощники есть. Не стукачи, – увидев усмешку на губах Федорова, объяснил старший лейтенант, – а что-то вроде дружинников. Со мной по выходным на дежурство выходят пятеро.

– Все, – заторопился Федоров, – если что, сразу звони мне на сотовый. – Он протянул участковому визитку.

– Ясно, – записывая, проговорил Торба. – В общем, с меня причитается.

– Ты, – услышал он голос в сотовом, – забудь лучше обо мне. Сам понимаешь, сейчас...

– Да я все понимаю, но ты тоже не пори горячку. И запомни: если откажешь в каких-либо сведениях, я и подставить тебя могу. «Вольво», дом в Саратове, да и...

– Ну и сволота ты, Торба!..

– Таким маманя родила. В общем, узнай все, что там против меня у следователя есть, и сразу звони. Понял?

– Да, конечно. – Абонент отключил телефон.

Посмеиваясь, Василь потянулся.

– Значит, Отмычка, – пробормотал он. – Вот сучонок! Лучше бы ты, гнида, бабки из сейфа в спальне взял. Но с тобой разберутся. Жаль, я не смогу. А почему я раньше не узнал? Хотя и сейчас в самый раз. Надо еще и телку эту тряхнуть, она наверняка что-то знает.

– Ба! – улыбаясь, поднялся из-за столика в углу бара плотный молодой мужчина. – Кого я вижу! Станислав, привет, бродяга!

– Салют, – кивнул крепкий блондин. – Все гулеванишь?

– Жизнь – короткая штука, – усмехнулся плотный. – И нагуляться вдоволь не успеешь, как в ящик уложат. А ты какими судьбами?

– Пути наши неисповедимы. – Станислав подошел к столику и пожал плотному руку.

– Садись, – пригласил тот, – врежем за встречу. Мы с тобой годков пять точняк не встречались...

– В прошлом году виделись, – напомнил, усаживаясь, Станислав, – в Питере. Ты сейчас чем занимаешься?

– Да так, то да се. По мелочи, короче. Пытался на рынок...

– Все по рынкам загуливаешь. – Станислав отпил пива. – Пора бы и серьезным чем-нибудь заняться.

– Да чем? – Плотный тоже взял бутылку. – Уже все схвачено. А влезешь – и опомниться не успеешь, как пришьют. Сейчас же не уговаривают, а сразу шмаляют. Но я и так кое-какие бабки имею, поэтому на рожон особо не лезу.

– Ты Чемпиона давно видел? – спросил Станислав.

– Родион от дел отошел. Он секцию сейчас ведет, с пацанятами занимается. В общем, за ум взялся! – Плотный захо-

хотал.

– Слушай, Баркас, – остановил его Станислав, – что ты об Отмычке знаешь?

– А чего тебе надо? Засветился он крепенько. Не знаю на чем, но им сейчас многие интересуются. Видно, бомбанул кого-то из новых русских или делового обчистил. Ко мне тут подъезжали от Ломового, спрашивали, что да как, а я плечами пожимаю. Да я и не в курсе про этого Отмычку. Просто знаком по зоне, и все дела. Ну, видел его разок в кабаке. А ты-то чего в это дерьмо лезешь? Как я въехал, там все очень серьезно. У Отмычки большие неприятности будут... очень большие... Так что не суйся ты в эти дела.

– А ты не знаешь, где сейчас этот самый Отмычка?

– Да тебя, похоже, заклинило. Я же тебе жую – не лезь в это. У него...

– Короче, – перебил Станислав, – завтра скажешь все, что узнаешь. Я к тебе вечером заскочу.

– Лады, – кивнул Баркас, – порасспрашиваю своих хлопцев. Ну и еще тут кое-кто есть. Во, – он хлопнул себя по лбу, – я же Отмычку с чувой одной видел. Заблатненная шкура – Люсьен. Она срок недавно оттянула. Точняк, с ней тогда Отмычка был. Тут еще этот был, – он задумался, вспоминая, – Робот. Пашет на какого-то делягу. А на кой тебе этот Отмычка сдался?

– Не мне. Просто просили узнать о нем. Очень просили. – Станислав улыбнулся.

– Покатили к Люсьен, – предложил Баркас, – я сейчас узнаю, где она живет, и поедем.

– Ну кого еще принесло? – сердито спросила подошедшая к двери Людмила.

Открыла дверь и отскочила назад. Выбросивший ногу длинноволосый парень не достал до ее живота. Людмила, схватив стоявший у стены табурет, бросила его. Прыгнувшему к ней длинноволосому табурет углом попал в колено. Взыв, тот упал. Перепрыгнув через него, за вбежавшей в комнату женщиной бросился долговязый очкарик. В прихожую вошел человек, который разговаривал с Кристиной.

– Робот, – промычал обхвативший колено парень, – она, сучка...

– Форму теряешь! – усмехнулся тот.

В комнате прогремел выстрел.

– Шкура, – воскликнул Робот, – газовик заимела! – и выскочил на площадку.

Из комнаты, прижав руки к глазам, пошатываясь, вышел долговязый. Ногой задел разбитые очки.

Людмила с газовым пистолетом в руке выскочила на балкон и сразу перелезла на соседний.

– Что там у тебя? – пьяно спросил сидевший за столом обрюзгший мужик в замызганной майке.

– Все нормально... Телефон работает? – Людмила сняла трубку.

– Ага, – кивнул мужик и отпил несколько глотков. – Не

желаешь? – захрустев огурцом, спросил он.

– Милиция, – ответила трубка мужским голосом.

– Мне нужен капитан Федоров, – быстро проговорила Людмила, – инспектор из МУРа. Передайте ему, что звонила Люсьен. На меня напали...

– Ваш адрес?

Выматерившись, она положила трубку.

– Кто на тебя наезжает? – поднимаясь, спросил хозяин. – Я сейчас разберусь! – Он взял со стола столовый нож с закругленным концом.

Людмила осторожно подошла к окну и, выглянув, увидела садившегося в «мерседес» Робота. За «шестисотым» рванулась с места «ауди». Людмила прислушалась. Из ее квартиры доносился мат. Усмехнувшись, она посмотрела на хозяина, покачивающегося с ножом в руке.

– Отбой! – рассмеялась она. – Но мне надо исчезать. Ты меня не видел! – И вышла из комнаты.

– Во дает! – хмыкнул пьяный. – Залезла через окно, и я ее не видел... Конечно, нет! – Он налил себе водки.

Людмила быстро сбежала по лестнице. Выйдя из подъезда, рассмеялась:

– Хорошо, что я туфли не снимала. Куда теперь? – Она посмотрела по сторонам.

– Привет, Люсьен! – слышался голос.

Резко повернувшись, она увидела двух мужчин и выхватила газовый пистолет.

– Тормози, – остановившись, проговорил Баркас, – крыша поехала? Тут мой приятель хочет узнать...

– Уходите! – громко приказала она. – Я милицию вызвала!

– Да ты что? – зло спросил Баркас. – Я кореш Отмычки. Помнишь, кабак на...

– Баркас! – Людмила опустила руку с газовым пистолетом. – Ко мне тут приходили...

– Кто? – спросил Станислав.

– А тебе зачем Отмычка? – Людмила взглянула в его сторону и увидела вышедшего из подъезда подслеповато шурящегося долговязого. За ним, прихрамывая и тоже шурясь, следовал длинноволосый. – Это они! – крикнула Людмила.

– В тачку, – буркнул Станислав и прыгнул к долговязому. Короткий удар в солнечное сплетение сложил его пополам. Потом Станислав ударил его по голове. Каблук попал в лоб и сбил долговязого на асфальт.

Рядом остановилась «девятка». Из нее выскочил Баркас и помог Станиславу забросить на заднее сиденье долговязого.

– Давай второго, – сказал Станислав. – Я их буду держать в этом состоянии до места. Прикинь, где с ними можно потолковать.

– Ладно, – кивнул Баркас, подталкивая к машине длинноволосого.

Испуганно оглядываясь, Людмила помогла посадить длинноволосого рядом со Станиславом. Баркас захлопнул дверцу.

– Федоров! – окликнул спустившегося по лестнице капитана майор с повязкой дежурного. – Тут часа полтора назад какая-то баба звонила, тебя спрашивала.

– Лапшина? – спросил Федоров.

– Точно, – взглянув на запись, кивнул майор.

– Твою мать! – рявкнул, бросаясь к двери, капитан.

– Нет их, – сказал плотный парень.

– А чего ты за нами рванул? – зло спросил Робот. – Ведь видел, что двоих нет. – Сильный удар в подбородок отправил парня в угол.

– Менты их не брали, – отключив сотовый, проговорил парень в темных очках и с короткими кудрявыми волосами.

– Вот что, Клен ты мой кудрявый, – решил Робот, – скатайся туда и переговори с жильцами. Может, кто что видел. С тобой эти обыватели откровенно говорят, умеешь ты с ними ладить.

* * *

– Воевода, – вздохнул Станислав. – Тебе о чем-нибудь говорит это имя?

– Конечно, – кивнул Баркас, – тот еще тип. Его Исаком зовут. Вроде под еврея косит. Лукашевич Иосиф Владимирович. Занимался картинами, иконами и прочими делами подобного рода. Потом неожиданно отошел от всего и вроде как затих. Но компашка у него имеется довольно мощная.

Слух был, что те, кто поперек шел, быстро кони двинули. С ним чува одна крутится, Кристина. Молодая шкура, но уже битая. В Англии была, вроде как училась. В Израиль уезжала, но вернулась быстро. Похоже, связи там остались. А вот чем они занимаются сейчас, я без понятия. Может, ты разжуешь, на кой хрен тебе этот Отмычка?

– Раньше ты таким любопытным не был, – усмехнулся Станислав.

– Раньше и ты, Горец, хреновиной не занимался. Кстати, к Чемпиону поедем?

– Да он мне не нужен. Просто так спросил. Вспомнил, и все. Хочешь пять тысяч евро заработать?

– Шлепнуть кого?

– Мне надо выяснить род занятий Исака.

– И за это пять штук?

– Только за это.

– А не скучаешь по прошлому? – неожиданно спросил Баркас.

– Нет. Мы свое родине сполна отдали, а от нее ничего взамен не получили. Если бы Россия что-то нам дала, мы бы не занимались тем, чем занимаемся сейчас.

– А я иногда скучаю о тех днях, – вздохнув, признался Баркас. – Наверное, я и в уголовщину полез от скуки. Риск, да и себя лишний раз показать нравится. Правда, в зоне у меня выветрилось представление об уголовной романтике. Это особый мир, он гораздо жестче и подлее, чем может по-

казаться со стороны. На войне все понятно и...

– Хватит, – поморщился Станислав.

– Что с ней делать будешь? – кивнув на закрытую дверь, негромко спросил Баркас.

– Да ничего, – ответил Станислав, – пусть гуляет. Ее и без нас с тобой...

– Но она может про тебя и твой интерес к Отмычке рассказать, – перебил Баркас.

– Она – нет, – возразил Станислав. – Это можешь сделать ты.

– Да ты что? – усмехнулся Баркас. – За кого...

– А как еще ты можешь приблизиться к Исаку? – не дал договорить ему Горец.

– Понял! – Баркас рассмеялся.

– Нет их нигде, – доложил по телефону Клен. – И никто ничего не видел и не слышал. Правда, мне тут алкаши шепнули, что мент приезжал какой-то.

– Ясно, – пробормотал Робот.

– Что делать?

– Оставайся там. Через час подъедут парни с Соловьем. Если появится Люсьен, хапните, понял?

– Ага, – ответил явно недовольный Клен.

– Привет, подруга, – кивнула Людмила, входя в открытую невысокой толстухой дверь.

– Привет, – удивленно ответила та.

– Я у тебя, Клавка, пару дней поживу. Бабки есть. – Люд-

мила сунула ей двести евро. – Потом еще крутанусь.

– Тебя что, – закрыв дверь, заволновалась Клавдия, – менты ищут?

– Хуже. Из-за Отмычки какие-то крутые мной интересуются. Чуть не пришибли. Робот нарисовался с парнями. Хорошо, Отмычка мне газовый пистолет оставил. Еле ушла. – Вздохнув, она села на старый диван.

– Так и сюда могут заявиться, – перепугалась Клавдия.

– Сюда вряд ли, – попробовала успокоить ее Людмила. – О тебе же не знает никто. Но если я не ко двору, – она поднялась, – давай мои бабки и...

– Живи, – поспешно откликнулась толстуха.

* * *

– Она ничего не знает о деле Отмычки, – сказал по телефону Станислав. – Скорее всего люди Воеводы хотели узнать у нее об этом воре.

– Ясно, что ничего не ясно. Постарайся купить Сурикова. Уж он-то все знает. Но сделать это надо осторожно. Если Исак прознает, будут неприятности, а к ним мы пока не готовы. Кстати, сработали твои люди замечательно. Хорошо, что я не последовал совету Аркадия.

– Это совет не Аркаши, – усмехнулся Станислав, – а Эленоры. Она хочет все сразу и...

– А вот это уже не твое дело, – недовольно прервал его

абонент. – Занимайся тем, что тебе поручено. И как только появятся новости, я сразу хочу их знать.

Услышав частые гудки, Станислав усмехнулся и аккуратно положил трубку. Потянулся.

– Вот так всегда, – пробормотал он. – Как раньше – приказы не обсуждаются, а выполняются, – так и теперь то же. Но если тогда я был солдатом, то сейчас шестерка. А вообще ведь все может перемениться в один момент.

– Что я тебе говорила? – насмешливо спросила милостивая женщина с короткой стрижкой. – Не верю я этому Горцу. Надеюсь, ты не забыл, кем он был?

– Как и то, – усмехнулся склонный к полноте немолодой мужчина, – кем был я, да и ты тоже, – рассмеялся он. – И если Стасик просто...

– Сколько можно об этом говорить? – недовольно перебила женщина.

– Перестань, Эля. В конце концов, позволь мне принимать решения. Ведь мы уже не раз говорили об этом. Постарайся понять: мы занялись непривычным для нас делом. Так сказать, совершаем первые шаги. И я не желаю, чтобы эти шаги были направлены к откровенной уголовщине. А то, что предлагаешь ты, иначе не назовешь. Конечно, можно показать свою силу, втянуться в разборки. И что дальше? Внимание правоохранительных органов и множество врагов. Ведь там уже давно все отлажено. Сколько лет занимаются этим, и проколов не было ни разу. Дважды были арестованы посред-

ники, но это ничего милиции не дало. Никаких зацепок...

– Ты знаешь, на какую сумму был товар в дипломате курьера? – осведомилась Элеонора.

– Триста двадцать две тысячи шестьсот пять долларов. Предположим, мы бы взяли это. И что дальше? Продавать, не привлекая внимания к себе, мы бы не смогли. Рынок подпольного оборота драгоценностей давно знает товар каждого продавца. И представь, как бы мы выглядели в глазах...

– Но согласишься, Лев, такие деньги...

– Это уже речь налетчика, – рассмеялся он. – Взять куш, лечь на дно и широко погулять. У нас в обороте сейчас около миллиона долларов, товара на двести тысяч по нашему ценнику. А следовательно, при самом плохом раскладе мы можем получить за товар около миллиона. Но для этого надо выйти на рынок чистыми. Это неперемное условие рынка, где крутятся большущие деньги и клиенты со всего мира. С запачканными кровью руками там не принимают.

– Но тем не менее кое-кто из них спонсирует террористические организации и финансирует ваххабитов в Чечне.

– Это уже другое. Заимев имя, ты волен распоряжаться деньгами как угодно.

– В таком случае постарайся объяснить мне все так, чтобы я поняла. Как именно ты хочешь выйти на этот самый рынок?

– Боюсь сглазить, поэтому позволю себе не ответить.

– Суеверным ты стал.

– Есть немного. А может, и более осторожным.

– Ты мне не доверяешь? – поразилась Элеонора.

– Я не хочу в тебе сомневаться. Ведь если что-то вдруг пойдет не так, я стану делать выводы и мысленно могу обвинить тебя. А я этого очень не хочу. К тому же в последнее время ты стала проводить слишком много времени в обществе одного человека...

– Господи, – улыбнулась она, – ты, похоже, ревнуешь меня к Аркадию. Неужели ты думаешь...

– Если бы хоть на одно мгновение я подумал об этом, вы оба сдохли бы как собаки. Я выразился ясно?

– Вполне.

* * *

– Долго ты еще будешь парить нам мозги? – раздраженно спросил дознаватель сидевшего перед ним Алимова.

– Не имею чести знать уголовную терминологию, – усмехнулся тот, – но догадываюсь, что вы изволили говорить о том, будто я вам...

– Слушай, умник! – вспыхнул дознаватель. – Завтра будет санкция на твой арест. И мой тебе совет – не строй из себя идиота. Ты же прекрасно понимаешь, что сядешь. А сколько ты получишь, зависит от тебя. На помощь извне тебе рассчитывать не приходится. Вполне возможно, что твои работодатели сумеют нанять уголовника, который прирежет тебя

заточенной алюминиевой ложкой, задушит скрученным полотенцем или просто...

– Я уже двое суток, – перебил Алимов, – прошу предоставить мне возможность увидеться с прокурором. Мне не дают бумаги, чтобы я смог написать жалобу. Но смею заверить вас, гражданин начальник, обо всем этом я обязательно напишу в краевую прокуратуру.

– Пиши хоть самому Господу Богу. В камере тебя не обижают?

– Вы удивитесь, но нет.

– И все-таки подумай о моих словах. Завтра увидишься со следователем, и после этого каждое сказанное тобой слово будет влиять на решение судей.

Алимов усмехнулся.

– Как дела? – спросил Ларионов вошедшего в кабинет Отмычку.

– Как сажа бела, – вздохнул тот. – Ненавижу эту сучку! Дважды меня сдавали дамы, но я винил себя. А сейчас... – Он выматерился.

Капитан внимательно посмотрел на него. Отмычка явно нервничал.

– Может, скажешь, – капитан подвинул ему пачку сигарет, – зачем ты приехал в Хабаровск? Неужели решил, что тут сможешь...

– Если бы я поехал для работы, – огрызнулся домушник, – то вряд ли сказал бы этой шкуре!

– Тоже верно. Но ты взял у Торбы не только то, что изъяли у Люсьен. Где остальное?

– Не понимаю... о чем ты? А что Торба говорит?

– Отказывается. Говорит, что у него никогда ничего подобного не было, а Люсьен просто на испуг взял.

– Я ей, шалаве, говорил не раз – не нацепляй на себя эту хренотень по крайней мере полгода. А еще лучше загони кому-нибудь из приезжих с Кавказа, и все дела. А она, паскудина... Прибил бы сучку!

– Но это не твой стиль! – Милиционер засмеялся.

– Сукой буду, – Отмычка чиркнул себя по горлу, – дай мне ее сейчас, изуродовал бы! Чем бы попало товарил... Сучка гребаная, все поломала! Я впервые в жизни себя полноценным человеком почувствовал, а она... – Он шарахнул кулаком по столу.

– погоди, – остановил его капитан, – что-то ты загадками говоришь. Может, объяснишь?

– А тебя, мент, это не касается! – отрезал вор. – Я же просил у тебя хотя бы пару часов. Потом бы... – Не договорив, Отмычка прикурил и жадно затянулся.

– Скажу честно, я проверял всех твоих знакомых. Некоторые за бабки дали наводку на других, которых мы не знали. Но тебя никто не ждал, и друзей у тебя в Хабаровске нет. Так что... – Капитан покачал головой.

– Какие, на хрен, друзья при моей жизни, – хмуро проговорил Отмычка. – В зоне – кенты, земляки. А на воле лучше

одному быть, надежнее и спокойнее. Знать бы об этом раньше, – в его глазах Ларионов увидел боль и сожаление, – наверное, все по-другому было бы.

– Может, все-таки поделишься? – осторожно поинтересовался капитан. – Все-таки...

– Да иди ты, ментяра! – отмахнулся Отмычка.

«Что-то у него сломалось, – мысленно отметил Ларионов, – и не потому, что взяли. Ведь рассказал он о деле, как всегда, совершенно спокойно. Но если сначала на Люсьен была маленькая обида, то сейчас он ее ненавидит по-настоящему. Что же с ним произошло?»

– Алимов, слава Богу, молчит, – вздохнул Леонид. – Хотя, откровенно говоря, страх не отпускает.

– Поэтому держишь пистолет под подушкой? – насмешливо спросила Илина.

– Я в тюрьму не пойду, лучше застрелюсь.

– Хамелеон что говорит?

– Не видел я его. А сам он не звонит, опасается, что меня на прослушку поставили.

– Знаешь, я абсолютно уверена, что все будет хорошо. Кстати, что ты решил с индийцем? Не отложил?

– Конечно, отложил. Представляю, что было бы, если бы еще этот раджа заявился.

– Идиот! Он привез бы очень хорошие деньги. Это раз. Во-вторых, он бы вывел нас...

– В этом положении, – холодно улыбнулся Леонид, – не

хватало только засветиться на международном уровне.

– Отдай мне это дело, – предложила она, – и я все устрою сама. Отдай, Леонид.

– Была бы ты моей соседкой по даче, может быть, и рискнул бы. Но сейчас не проси. Ты же сразу переведешь стрелку на меня: просил Леонид Ермолаевич Кутрич. Так что даже не мечтай.

– Плохо же ты обо мне думаешь!

– Кроме того, я сворачиваю все дела с добычей и с поставкой. И советую тебе на некоторое время закрыть цех. В противном случае я буду вынужден прикрыть твое производство сам.

– Ты не сделаешь этого! – вскочив, воскликнула она.

– Даю тебе сутки. Если ты не сделаешь этого, я закрою твой цех сам. А как это умеет делать Коновал, ты знаешь.

– Ты с ума сошел, – прошептала Илина.

– Наоборот, я только вошел в ум. Давно надо было запретить тебе заниматься этим. В общем, у тебя сутки, время пошло...

– Пока молчит, – вздохнул седой мужчина. – Хотя я не уверен, что его надолго хватит.

– Но ведь его взяли с дипломатом, – удивленно проговорил плечистый мужчина.

– Сейчас этого мало, – покачал головой седой. – Кто может доказать, что он не нашел этот дипломат? Никто. Так что если он будет держаться этого, вполне возможно, сумеет

выкрутиться. И вот тут возникает опасность, что задержание Алимова свяжут с изъятием украшений у вора-домушника, кстати, тоже задержанного в Хабаровске. Торба сейчас находится под подпиской о невыезде, но как только в Москву доставят вора и он покажет, где брал драгоценности, у Торбы возникнут очень серьезные неприятности. Тогда и с Алимовым будут разговаривать по-другому. Кстати, кто мать того пацана, который ухватился за дипломат?

– Скворцова Елена Петровна, тридцать лет, одинокая. Сыну пять лет будет через неделю. Скворцова должна была ехать в Никольское, это в Амурской области. Там у нее родители. Отца у ребенка нет, какой-то курортный роман. Она врач-педиатр, сейчас в отпуске. К родителям после случившегося не поехала. Пацаненок сильно ушиб нос. Вот так. А зачем тебе это?

– Уж слишком подозрительно все произошло – вообще и милиционеры рядом оказались...

– Постовые были на перроне, – перебил плечистый. – Ничего подозрительного в этом нет. Я с ними беседовал, они потребовали показать дипломат после того, как мужчина сильно занервничал. А почему ты спросил о женщине с ребенком?

– Мне показалось, что эта сцена разыграна – ребенок, падение и тут же два милиционера. Похоже на спланированную операцию.

– Да нет же, ничего подобного, просто дикая случайность.

– Дай-то Бог, – вздохнул седой.

– Что-то ты, Семен Васильевич, нервным стал, – усмехнулся плечистый.

– А ты, Андрей, спокоен? Только честно...

– До полного спокойствия далеко, но особенно не волнуюсь. Барон насаждает, требует убрать Алимова. А я даже приблизительно не знаю, как это сделать.

– Раньше знал, – усмехнулся Семен Васильевич.

– А вот этого не надо! – вспыхнул Андрей. – Ты ведь тоже тогда участвовал. И выбора у нас не было.

– А сейчас, значит, есть? – насмешливо спросил Семен Васильевич.

– Но пока еще...

– Вот именно, – перебил Семен Васильевич, – пока. Но как долго это будет продолжаться, не знает никто. Вдруг Алимов заговорит сегодня, сейчас? Возьмут Барона, и тогда сразу придут за нами. Чистка идет большая. Если уж с Петровки полковников повязали, то...

– Не накаркай.

– Да каркай не каркай, но если Алимов заговорит, нам с тобой труба.

– И что ты предлагаешь?

– Тебе надо что-то делать, – ушел от ответа Семен Васильевич. – В конце концов, объясни своим людям...

– Значит, ты тоже меня в петлю суешь? Ведь только-только у нас сняли...

– А нас просто посадят, и надолго. Ты хоть понимаешь, чем все это может для нас закончиться? Впрочем, тебе могут и пожизненное вкатать, если вспомнить про...

– Слушай, Фролкин, – зло процедил Андрей, – мы по этому делу вместе пойдем. Неужели ты думаешь, что я молчать буду? И не надейся! А организаторам, как правило, больше дают, чем исполнителям. Тем более если организатор...

– Вон ты как заговорил! Интересно выходит! – Фролкин неожиданно рассмеялся. – Раньше вроде уважал ты меня. На вы постоянно обращался. А сейчас и возраст забыл мой, и положение.

– В лагере мужик и в пятьдесят лет не старик.

– Уже и про зону заговорил? Так вот, чтобы избежать этого, надо убрать Алимова. На нем все остановится.

– Остановится? – раздраженно повторил Андрей. – Да если с ним что-то случится, отрабатывать это будут до конца, пока не выйдут на заказчика. Неужели ты этого не понимаешь?

– Слушай, Андрей, – задумчиво проговорил Фролкин, – но ведь Алимов нас не знает. И связать его с нами никто не может.

– Точно, – согласился Андрей. – Я понял, к чему ты клонишь. Но тут придется мочить не одного...

– А это надо хорошенько обмозговать, и тогда мы что-нибудь обязательно придумаем. Если, конечно, время у нас будет.

– Завтра Алимову предъявят обвинение, и им займется следователь по особо важным делам. Кто именно, не знаешь?

– Не решился узнавать. Но сегодня обязательно выясню и сообщу.

– Отлично.

– А чего тут москвич делает?

– Он приехал за Бешеным. Тот ранен и сейчас находится в тюремной больнице. За ним пара трупов в столице. И у нас он наследил. При задержании ранил одного омовца и одного убил. Тот еще зверь.

– Значит, из-за Рудакова? А чего же он Отмычку этого...

– Из МУРа позвонили и приказали, чтобы именно Ларионова назначили дознавателем. Не то чтобы нам не доверяют, но, как я понял, в Москве этот Отмычка наследил крепко. Что-то крупное там взяли. Вот МУР и подстраховывается.

– Понятно. А как здоровье Бешеного? Не рано его из городской перевели в тюремную?

– Черт его поймет, он уже месяц лежит. Его в грудь ранили, и головой он здорово шибанулся, когда со второго этажа падал. Рана затянулась, а вот с башкой вроде не все в порядке. Он память потерял. Думали, что притворяется, но наши психиатры подтвердили, что амнезия у него. Сейчас наблюдают за ним в тюремном лазарете. Требуют, чтобы перевели в институт, но Москва добро не дает. Боятся, что сбежит. Бешеный, он и есть бешеный. Из зала суда в Туле удрал. Одного конвойного изуродовал, другого инвалидом сделал. С

пулей в ногу ушел, сволота.

– Значит, этот Ларионов ради него тут торчит?

– Да. Перевозить его врачи не рекомендуют. Да и начальство опасается, как бы Бешеного во время перевозки на этапе не пристрелили. ОМОН на него зол. На месте хотели кончить, еле отбили наши опера. Да и начальник их приехал. Иначе бы хана Бешеному.

* * *

– Хоть бы поел чего, – покачала головой пожилая женщина в белом халате. Лежавший на кровати бледный мужчина с перевязанной головой и забинтованным плечом не отрываясь смотрел в потолок. – Сколько времени уже так лежит, – вздохнула она. – Взгляд пустой, как будто мертвый. И не пошевелится, и ничего...

– Да такого сжечь надо! – зло откликнулась молодая полная женщина в наброшенном на мундир белом халате. – За ним убийств полно, а ты его жалеешь.

– Так ведь человек все-таки, – вздохнула пожилая. – А то, что убивал, это ж еще не доказано.

– Одного омовца ранил, другого убил, это все знают. Так что сдох бы, сволочь, а его лечат.

– Как тут мой клиент? – В палату вошел Ларионов.

– Так же, – ответила молодая.

Подойдя к кровати, капитан посмотрел в неподвижные,

ничего не выражающие глаза лежащего.

– Косишь ты, Бешеный, – тихо проговорил он. – Правда, твое терпение вызывает уважение. Например, я бы и половины не выдержал. А уж уколы эти... Ведь все равно расколют и судить будут. На пожизненное пойдешь, а там ой как несладко. И хочется тебе испытывать на себе препараты медицинские? – Капитан посмотрел на вошедшего врача. – Жить он будет?

– Завтра отправят в клинику, – ответил врач. – Приезжает комиссия из Москвы. Они решат, что с ним делать. Однако, по моему мнению, его надо отправлять на лечение.

– Я бы его на тот свет отправил, – процедил Ларионов. – Хотя оттуда, куда отправляют таких, живым никто не возвращается. А правду говорят, что на них какие-то лекарства испытывают?

– Мы живем в демократическом обществе и правовом государстве. И мне неприятно слышать подобный вопрос от сотрудника МУРа, – сказал врач.

– Да мне тоже неприятно спрашивать такое, – рассмеялся Ларионов. – Ничего, Бешеный, – кивнул он раненому, – с тобой расправятся в любом случае. Такие, как ты, просто не имеют права жить.

– Неужели все сотрудники правоохранительных органов так остро ненавидят преступников? – удивился врач.

– Преступники разные бывают, – повернулся к нему капитан. – Например, все мои клиенты – убийцы. Порой до чер-

тиков хочется не то что пристрелить, а просто задушить или забить насмерть. Но нельзя... Значит, я месяц здесь проторчал зря.

– Вот так, – недовольно проговорил крепкий молодой мужчина в камуфляже.

Сняв рюкзак с плеча, сел на лестничную площадку около двери с номером сорок восемь. Достал сигарету, прикурил. Из квартиры напротив вышла пожилая женщина с маленькой лохматой собачкой, которая тут же залаяла. Мужчина, посмотрев на нее, усмехнулся.

– Перестань, Лука! – рассердилась женщина. – Молодой человек ничего тебе не сделал...

– Здравствуйте, Валентина Сергеевна, – улыбаясь, поднялся тот.

– Добрый день, – машинально отозвалась она. – Но я вас не знаю, и... – Замолчав, женщина сняла и протерла очки. Надев снова, изумленно прошептала: – Славик Гончаров. Господи! – Ахнув, она выпустила поводок и шагнула навстречу бросившемуся к ней Вячеславу. – Живой?!

– Живой, Валентина Сергеевна! – осторожно обняв ее, засмеялся он. – Значит, меня, как я понял, похоронили уже?

– Так ведь четыре с лишним года тебя не было. Господи, а это что? – увидев короткий шрам у виска, тихо спросила Валентина Сергеевна.

– Ветка поцарапала, – рассмеялся Вячеслав.

– Все такой же болтунишка. Пойдем ко мне. Маша поза-

вчера к подруге уехала, так что идем скорее. Ванну примешь, пообедаешь.

Собачка, несколько раз тявкнув, вбежала в квартиру.

– Охрана у вас хорошая. – Взяв рюкзак, Вячеслав пошел следом за Валентиной Сергеевной.

– Я одна осталась, – вздохнула та. – Игорь умер два года назад. Инфаркт. Спасибо Машеньке, поддержала, все по дому делает. А я с Ванюшкой сижу. Забавный мальчик, и знаешь, Слава, тебя напоминает.

– Пойдите, какой Ваня? Машка что, замуж вышла?

– Да ведь ты и не знаешь! – спохватилась Валентина Сергеевна. – У Маши четыре года назад сын родился. Она его Иваном назвала в честь вашего отца. А мужчина... – Валентина Сергеевна вздохнула. – Пойдем скорее. Поешь, а потом...

– Выходит, нагуляла сестренка? – мрачно спросил Вячеслав.

– Просто встретила, как ей казалось, хорошего человека, – вздохнула старая учительница, – забеременела. Об аборте она и слышать не хотела. В этом я была на ее стороне, хотя все советовали...

– Вот это да! – Вячеслав тряхнул головой. – Значит, я дядей стал...

– И знаешь, – вздохнула миловидная женщина в домашнем халате, – боюсь я. Не знаю почему, но боюсь. И за себя, и за Колю. Поэтому и не поехала к родителям.

– Перестань ты себя изводить, – попыталась успокоить ее сидевшая рядом на диване симпатичная черноволосая женщина. – Уж так получилось. Ведь не специально Коля схватился за чемоданчик этого мужика. А там, говоришь...

– Ой, Маша! – Хозяйка всплеснула руками. – Я только в кино такое видела. Полный чемодан драгоценностей! И так под солнцем заиграло все – как в сказке. Милиционеры и те обалдели. А проводницы рот открыли и сказать ничего не могли.

– Конечно, – рассмеялась Маша, – что тут скажешь! Ну а дальше что, Ленка?

– А дальше... – Лена вздохнула. – Милиционеры с собой стали звать, чтобы подтвердила я, что видела в дипломате драгоценности. А тот мужчина кричит, что это не его чемодан. У Коли кровь течет, нос распух, больно ему было. Я его в медпункт вокзальный отнесла. Милиция потом два раза вызывала. Рассказывала я, как все было. И знаешь, Маша, страх во мне поселился. А тут два раза звонили и молчат. Я уж и участкового вызывала, и в милицию ходила. А там рукой махнули – мало ли кто мог звонить? А я чувствую, что из-за этого...

– Перестань, Ленка, – махнула рукой Маша, – ведь случайно все получилось.

– А звонки? И вчера во дворе машина стояла, я в окно видела. Ну, думаю, мало ли кто там маячит. Пошла в магазин, а машина за мной следом поехала. Из магазина вышла, эта

иномарка снова тут как тут. Я так перепугалась...

– Номер записала? – спросила Маша.

– Да какой там номер, – вздохнула Лена. – Я домой убежала. За Колей в садик ходила с соседкой и ее мужем, Сашкой, он здоровый и борьбой занимался. Боюсь я.

– Мама, – в комнату вошел мальчик, – я Ване игру показал, которую дядя Олег купил.

– Какой Олег? – Стараясь отвлечь подругу от мрачных мыслей, Маша лукаво улыбнулась. – Уж не Павлов ли? Что-то в последнее время он к вам зачастил...

– Перестань, – сказала Лена. – Не выгонять же его. Но я поставила условие: если что-то в его поведении мне не понравится, я его больше на порог не пущу. Он человек хороший, с Колей очень дружит, подарки ему делает.

– А я... – Маша вздохнула. – Не могу я ни с кем, Лешу забыть не могу. Да и не верю я, что он погиб. Не верю, и все... А ты так и не говоришь, кто Колин отец.

– Да, подруга, – Лена обняла ее, – не сложилась у нас с тобой жизнь.

Обнявшись, молодые красивые женщины тихо плакали.

– Мама, – сын подбежал к Лене, – почему ты плачешь?

– Мама, – Машу обнял ее малыш, – у тебя голова болит?

– Да просто мы сказку грустную вспомнили, – ответили сквозь слезы женщины.

– Ведет она себя нормально, – говорил молодой рослый мужчина. – Не похоже, что на кого-то работает. Мы специ-

ально светились. Но...

– Надо было вести наблюдение, – раздраженно перебила его Илина, – а не светиться. Уж слишком похоже на то, что все это было подстроено. Алимов очень аккуратный человек.

– Да если бы он не испугался, – вмешался рыжеватый мужчина в очках, – все было бы нормально. Он просто сдрейфил, поэтому менты и впряглись. Ведь как дело было? Мальчишка поскользнулся на обертке от мороженого, начал падать и ухватился за ручку дипломата. Алимов рванул так, что взрослому мало не показалось бы. Пацан и треснулся. А менты там просто стояли, курили и маманю пацаненка разглядывали. Она на вид ништяк телка. Мы с Дьяком рядом были и все видели. Не было там ничего особенного. Просто Алимов повел себя так, что поневоле заподозришь...

– И все-таки надо побольше узнать про эту самую Скворцову, – заявила Илина.

– Да и так уж вроде все узнали, – недовольно отозвался рыжеватый. – Мать-одиночка. Подруга у нее такая же. Родила пацана, а от кого, никто не в курсе. Брат у нее по контракту уехал в Чечню в девяносто восьмом, и о нем ничего не известно. Славка тот еще фраер, – усмехнулся он, – чудом в тюрьму по малолетке не залетел. Потом его в армию забрали, в ВДВ. Ранен был. Кавказцев, любых, на дух не переносит. А Машка, сестра его...

– Да черт с ней, – перебила Илина, – с Машкой этой. Надо выяснить все, что произошло на перроне. Я не верю, что это

случайность. Не верю, и все!

– Да Алимов сам виноват, – проворчал рыжеватый. – Я же там был и все видел. И Дьяк. Его спроси.

– Во-первых, – вспыхнула Илина, – не тыкать мне! А во-вторых, делайте, как я говорю. В конце концов, я вам плачу за работу. Доведите это...

– Хватит шуметь, – проговорил вошедший Леонид. – Вот что, Бык, – обратился он к рослому. – Постарайся выяснить, через кого можно заказать человека в ИВС. И в СИЗО тоже. Алимова надо убрать. А ты, – он перевел взгляд на рыжеватого, – возьми парней и отправляйся на шурфы. Пусть прекратят там все.

– Но, – попыталась остановить его Илина, – ведь...

– Даю тебе час, – ожег ее взглядом Леонид, – чтобы законсервировать цех. Час! – крикнул он.

– Леонид Ермолаевич, – начал рыжеватый, – но я...

– Химик! – заорал Леонид. – Делай, что тебе сказано! – Посмотрел на Илину. – Закрывай цех. Все должно быть убрано. Все!

– Почему ты орешь на меня при них? – зло спросила она.

– Делай все, что я сказал! – раздраженно повторил Леонид.

– Кто это? – Лена вышла в прихожую. – Кто там? – И тут же раздался ее громкий радостный крик: – Машка! Славка приехал!

Маша бросилась в прихожую.

– Славка! – крикнула она и кинулась брату на шею.

Лена стояла рядом, прижав к щекам ладони.

– Хватит, – улыбаясь, попросил Вячеслав. – Покажи мне моего племянника. – Маша отступив, настороженно посмотрела брату в глаза. – Я ему гостинцев купил и игрушек. Мы с ним в магазин пойдем, и он купит все, что захочет. А тебе – вот. – Вячеслав кивнул Лене и показал на стоящую у двери сумку. – И твой со мной пойдет. Где мужики? – Он рассмеялся.

– Как мне все это надоело, – вздохнула Элеонора. – Когда ты выполнишь...

– Еще не вечер, – ответил куривший в глубоком кресле атлетически сложенный молодой мужчина. – Ведь мы еще даже не начали.

– Надо что-то делать, иначе мы ничего не добьемся. Все эти Левкины хитросплетения и непонятные замыслы уже достали. Я не пойму, чего он хочет.

– Честно говоря, я тоже мало что понимаю. Но он начал это, и сейчас...

– Аркаша, ты же понимаешь, что без него мы добьемся гораздо большего.

– Рано. С поставщиками договаривается он, цех по производству тоже у него.

– Но все это, если не будет Левки, станет нашим. К тому же у него приличный счет в банке в Цюрихе, и все это будет моим, то есть нашим. Ведь ты хотел перехватить партию, ко-

торая шла в Москву.

– Хотел, но Лев посчитал, что будет лучше, если мы подставим курьера. Он долго не выдержит и сдаст всю фирму.

– Неужели тебе нравится быть шестеркой? Я в тебе разочаровываюсь.

– Не надо торопиться. Что толку убирать короля без королевства? Ради королевы? Но она привыкла жить по-королевски.

– Ты прав. Значит, придется ждать.

– И помогать. Чем скорее мы выйдем на рынок, тем быстрее ты сможешь занять его место.

– Значит, будем помогать. А зачем ты послал Стасика в Москву?

– Эля, милая, не спрашивай меня ни о чем, ведь я, как и ты, ничего не знаю. Приедет Стас и расскажет. А сейчас я не хочу ничего предполагать. Да и не надо этого. Главное, что Лев не дурак и сможет сделать многое. А Стас слишком высокого мнения о себе. Лев ему доверяет, пожалуй, больше, чем кому бы то ни было. Между прочим, если он узнает, что мы с тобой...

– Похоронит нас обоих, – договорила Элеонора. – Он, кстати, сказал мне об этом. А Стас, насколько я поняла, был бы совсем не против, если бы Лев стал относиться к тебе хуже.

– Я в курсе, конкуренция. Стас хочет быть как можно ближе ко Льву, потому что чувствует: скоро будут большие день-

ги. Он, естественно, хочет отхватить от пирога кусок пожирнее и потолще. Впрочем, как и все мы.

– Но, насколько я знаю, именно ты начал дело с золотом, подмяв под себя каких-то золотодобытчиков.

– Боже упаси! Просто я собрал воедино несколько групп и объяснил им ситуацию на пальцах, сказал: сейчас за золото одиночек зарывают в тайге, поэтому объединяйтесь и работайте. Защиту от ментов и супостатов я вам гарантирую, так же как и твердый заработок. То есть те же деньги, которые вы получили бы, продавая золото перекупщикам. И они сразу согласились. Но мне очень хотелось бы узнать, как и где Лев берет алмазы. Представляешь, какие бабки можно на этом делать? И на хрен тогда все это производство? Продавай алмазы – и волокиты, а следовательно, риска меньше, и деньги почти те же самые. Знаешь, если бы я нашел путь поставки алмазов, я бы подумал, как безопасно для себя убрать Льва Игнатьевича.

– Ясно! – Элеонора усмехнулась. – Правда, я ничего не знаю об этом, да и об остальном тоже. Но Левка страшный человек, и он скорее всего...

– Я тоже думал об этом, – не дал договорить ей Аркадий.

– Надо действовать, – раздраженно сказала она, – а не болтать.

– Придется немного потерпеть, – вздохнул он.

– Еще не время, – сказал Лев Игнатьевич. – Я не хочу и не буду рисковать. Два медведя в одной берлоге не живут.

А поэтому подожду, пока он не освободит место, и тогда уж я...

– Но существует простая конкуренция, – перебил его длинноволосый мужчина лет пятидесяти.

– Только не в этом бизнесе. Я не хочу войны и поэтому избрал тактику – «убери соперника чужими руками». Начало уже положено, а дальше, надеюсь, все закончится очень быстро. Вот тогда я и появлюсь. Видишь ли, в чем дело, Михась, ты извини, что я так тебя называю, но в твои пятьдесят два выглядеть, точнее, стараться выглядеть, как молодой человек...

– Это мой имидж, – ответил длинноволосый, – и не важно, сколько мне лет.

– Уверяю тебя, Михась, очень важно. Не зря же говорили наши предки: встречают по одежке, провожают по уму. С тобой никто не будет говорить серьезно.

– Мое дело – работа, – раздраженно заявил Михась, – а за все остальное отвечаешь ты. Я не собираюсь...

– И зря, потому что тебе придется, по крайней мере я на это очень надеюсь, делиться своим опытом огранки с западными коллегами. Я выйду на международный уровень и не стану продавать из-под полы товар здесь. Я хочу большего и добьюсь этого.

– У тебя мания величия. Под старость ты тронулся умом. Сначала угробил свою жену ради молоденькой шлюхи, потом занялся тем, за что...

– Я не отрачиваю под старость длинных волос с сильной проседью, – сухо перебил Лев, – не прокалываю уши, а пытаюсь чего-то добиться. Всю свою жизнь я был никем и все свои знания и силы отдавал на благо других. А теперь хочу пожить сам. Понимаешь? Здоровье и силы еще, слава Богу, есть, и поэтому я успею встретить старость в роскоши и покой. И я сделаю это с тобой или без тебя.

– Спецы к вам уже вылетели, – сказал в телефонную трубку полковник милиции. – Правда, я считаю, что все это зря. Бешеный под дурака косит. Ты его видел. И что думаешь?

– А я не врач, – ответил Ларионов, – чтобы ставить диагноз. Как человек скажу одно: я бы так не смог. Так что пусть медицина делает свое дело. Но я-то какого хрена здесь торчу? Если из-за этого домушника, так показания он дал. Нужно – я доставлю его.

– Не я это решаю, погоди немного. Все не так просто, как кажется. Говорить ничего не буду, но ты пока...

– Да я-то при чем? С Бешеным ничего не получается. Он если и притворяется, то искусно. Я ничего нового не узнал. А тут еще этого домушника, мать его...

– Ты не выражайся, служивый, – усмехнулся полковник, – командировка твоя продлена. Вернешься, сразу в отпуск пойдешь. И разумеется, премиальные получишь.

– Если отпуск, да еще и премиальные, то так и быть. Кстати, не мешало бы мне подбросить денег.

– Получишь. Я вот зачем тебе звоню... Ты приглядывай

за Отмычкой. Что-то не все гладко там у служивых. Ни с кем ни о чем не говори.

– Обижаете, товарищ полковник, – засмеялся Ларионов. – Тут взяли курьера с дипломатом, полным драгоценностей, и что-то некоторые занервничали. Я, собственно...

– Присматривай за Отмычкой, – перебил полковник, – не все спокойно в королевстве Датском. В общем, повнимательнее там. Это не приказ, а просьба.

– Хорошо, – удивленно согласился Ларионов. – Не забудете напомнить о деньгах?

– Завтра получишь, – успокоил его полковник.

– Значит, говоришь, был Робот? – пробормотал Федоров. – А кто те двое, которые тебя увезли?

– Не знаю, – нервно отозвалась Людмила. – Одного Горцем называл знакомый Отмычки. А его... что-то вроде какой-то лодки, – неуверенно добавила она.

– Шлюпка? Бот?

– Да нет... Каркас, – вспомнила она.

– Баркас?

– Точно, Баркас. Они меня куда-то за город возили. И тех двоих. Ну, которых я...

– И что с ними сделали?

– Не знаю. На какой-то даче, кажется, двухэтажной, меня в комнате оставили. Там телевизор был, кушетка и столик с тремя стульями...

– Ты можешь описать их внешность? – безнадежно спро-

сил капитан.

– Нет, я перепугана была.

– Ну а где эта дача? Может, хоть приблизительно...

– Не знаю. Я сидела впереди, пока выезжали на кольцевую.

Потом меня заставили залезть в багажник. Кстати, – Людмила усмехнулась, – было довольно удобно. Я даже уснула.

– В общем, так, – думая о чем-то своем, сказал капитан, – поживешь здесь.

– Под защитой мента, – усмехнулась она. – А спать ты со мной будешь?

– Можешь, конечно, уйти, – сухо проговорил Федоров, – но тогда за твою жизнь я и копейки не дам. Удивляюсь, почему тебя сразу не пришибли.

– Неужели все так серьезно? – Людмила перепугалась.

– А ты думаешь, я бы с тобой по пустякам стал нянчиться? Короче, сиди и не высывайся. Холодильник полный, ванна, телевизор. В общем, отдыхай.

– Не мог я при нем, – говорил в телефонную трубку Станислав. – Как бы все это выглядело? Да нам-то она что? Подумаешь, кто-то спросил про вора! И что...

– Идиот, – перебил его собеседник, – она же как пить дать побежит в милицию. И тогда поймут, что кто-то проявляет интерес к домушнику. Кроме того, твой знакомый наверняка попадет в лапы хозяина тех двоих, с которыми вы беседовали, и сдаст тебя. Неужели трудно понять? В общем, вот что, Горец, исправляй ошибки.

– Но с Баркасом я воевал. Он после чеченской в тюрьму попал.

– Плевать на прошлое, надо жить настоящим. В общем...

– Не договорив, человек замолчал.

– Что? – спросил Станислав.

– Найди девку и убери ее. А потом возвращайся к хозяину.

Телефон отключился.

– Твою мать!.. – прошипел Горец.

– Была, – испуганно глядя на вошедших парней, кивнула толстуха, – потом куда-то позвонила и через полчаса ушла.

Вроде как приехал за ней кто-то.

– Кто? – спросил Клен.

– Не знаю.

– Слушай, слониха, у тебя времени – ночь. Я должен знать, где сейчас находится Люсьен. Понятно?

– Да откуда я узнаю-то? – окончательно перепугалась та. –

Я же тут ни при чем...

– Позвони знакомым. В общем, я должен знать, где она.

Услышав кашель из прихожей, он вышел.

– Ты чего на нее жути гонишь? – прошипел Робот. – Сделай вид, что пошутил неудачно, задобри чем-нибудь.

В комнате раздался телефонный звонок, и Клен бросился туда.

– Если это Люсьен, – быстро проговорил он, – узнай, где она.

Толстуха, испуганно посмотрев на него, кивнула и подня-

ла трубку:

– Да?

– Привет, – узнала она голос Людмилы, – это я. Мне нужны шмотки. Я забыла у тебя сумку. Ты привези мне. Я тебя встречу у метро «Медведково». К семи вечера сможешь подъехать?

Прижавшийся ухом к трубке Клен кивнул.

– Да, – нервно отозвалась толстуха.

– Жду! – и тут же зазвучали короткие гудки.

– Ништяк! – довольно улыбаясь, подмигнул побледневшей женщине Клен. – Поедешь. А где ее сумка?

– Кому звонила? – зло спросил вошедший Федоров.

– Подруге, – быстро ответила Людмила. – Я у нее сумку забыла. В ней нужные мне вещи.

– Дура! – рявкнул капитан. – Я же говорил, все тебе куплю. Дура, – повторил он.

– А ты не лайся! – разозлилась она. – Сам сказал, что я могу уйти, а теперь орешь! Подумаешь, спаситель выискался! Хочешь звездочку на мне заработать? Ну так и говори, и тогда я подумаю. И разумеется, бабки предложи. Сейчас за просто так и на трамвае не ездят.

– Я тебе принес фотографии. – Капитан положил на стол несколько снимков. – Посмотри, может, узнаешь среди них тех двоих, которые тебя увезли.

– Да иди ты! – отмахнулась она.

– Сегодня найдены два трупа, – сдержанно проговорил

Федоров. – Узнаешь? – Он сунул под нос дернувшейся назад женщине два снимка.

Она увидела двух парней, лежавших с неестественно повернутыми головами.

– А это их морды. – Он ей протянул две фотографии с лицами покойных.

Уставившись на одного, Людмила расширила глаза.

– Как его замочили? – сипло спросила она.

– Голову свернули. – Федоров убрал фотографии. – Посмотри, – кивнул он на лежащие на столе снимки, – может, узнаешь кого?

Людмила быстро просмотрела фото.

– Нет, никого не узнаю.

– Ты говорила, Баркас. Его тут нет?

– Нет.

– А во сколько у тебя встреча? – спросил капитан.

– Салют! – Баркас улыбнулся сидящему в кресле Исаку.

– Чего тебе? – холодно спросил тот.

– Новости есть насчет дел в Хабаровске. Ко мне знакомый один заезжал, хочет встретиться с тобой, но как это сделать, не знает. Вот я и решил помочь ему увидеться с Воеводой.

– Ты, Баркас, берешь груз не по спине, – спокойно проговорил Исак, – можешь позвоночник сорвать. Но с твоим другом я встречусь и без твоей помощи. Зачем вы моих шестерок похоронили?

Баркас отпрыгнул к стене.

– А ты наглец! – продолжил Исак. – Кто тебя надоумил выйти на меня и для чего? Да и как ты узнал, что Воевода – это я?

– Ну, привет, – не сводя напряженного взгляда с шагнувших к нему четверых парней, криво улыбнулся Баркас. – Я же тебя как Воеводу знаю с двухтысячного. В охране твоего бильярдного клуба-бара работал.

– Точно, – кивнул Исак. – Кто надоумил?

– Я же уже говорил, мой знакомый хочет с тобой встретиться. Я не в курсе, зачем именно, но там что-то связано с Отмычкой и с Хабаровском тоже...

– Почему вы убили парней? – повторил вопрос Воевода.

– А зачем тебе нужны слабаки? С бабой справиться не могли и раскололись шустро. Поэтому и убрали. А трупы, значит, уже нашли? Да чего за них уши ломать, такогохлама полно. Ни морду набить, ни молчать не могут. Так что ты решил насчет встречи с моим приятелем? И убери своих псов, – кивнул он на парней, – или дай команду «фас».

– Кто твой приятель? – спросил Исак.

– Воевали вместе. Потом он на Дальний Восток уехал. Родичи у него там жили. Родина забыла про нас, ну и кто во что горазд. Я в тюрьму попал, Стасик пристроился к одному дельцу. И вроде как твердо на ногах стоит.

– Тот, кто связался с противозаконной деятельностью, на ногах твердо стоять не может. А вот если сядет, то уже надолго! – Исак рассмеялся.

– Тоже верно, – согласился Баркас. – Вот он и хочет с тобой перетереть кое-какие мелочи. Что именно, я не в курсе. Но прислал его какой-то деятель вроде тебя.

– Таких, как я, больше нет... Ну, ладно... – Исак махнул рукой парням, и те сразу вышли. – Пусть твой приятель приезжает. Я жду его сегодня вечером.

– Ты, похоже, головой тронулся, – усмехнулся плотный майор милиции с заметными залысинами. – Представляешь, что будет, если начальство прознает? На кой хрен тебе все это надо-то? Кому нужно, тот пусть и крутится.

– Знаешь, тут что-то вообще непонятное получается, – вздохнул Федоров. – Эта Лапшина много знает. А в милиции к ней никакого интереса не проявили, можно сказать, выбросили на улицу. К ней уже дважды приходили. И, как я понял, люди от лица, заинтересованного в том, чтобы она исчезла. Кроме того, не мог Отмычка взять только эти браслеты, цепочку и перстень. Не мог! Если бы он взял только это, то не дарил бы случайной знакомой. Значит, взял больше. При себе у него ничего не нашли. Вполне возможно, что Людмила знает об этом.

– Ее потому и отпустили, что этого просто быть не может. Не знает она ни хрена. Суд санкцию на ее арест не дал. И даже подписку о невыезде не взяли. Она просто свидетель. А что Отмычка подарил ей ворованные вещи, так это опять-таки по его словам. Торба от всего отказывается. Скоро привезут Отмычку, и вот тогда пусть работают ребята.

– Может, это и глупо с моей стороны, – прервал его Федоров, – но я уверен, что Люсьен убьют. Поэтому и взял ее под свою защиту. Не знаю, что из этого выйдет, но...

– Погоди, Сашка, – остановил его майор. – Уж не втюхался ли ты в эту...

– Да хватит тебе, Игорь. Просто подобное уже было. Помнишь, в прошлом году я в Ярославле одного наркодельца брал? Довез его до Москвы, сдал с рук на руки. Ему подписку о невыезде. Он мне позвонил, говорит – убьют меня. Я его послал подальше, а утром начали розыск убийц этого самого наркодельца. Таких, как он, я бы сам стрелял, а вот эту Людмилу мне просто жалко. Она в тюрьме отсидела, строит из себя бой-бабу, а сама...

– Ну ты даешь! Хотя ко мне ты тоже не просто так пришел. Давай излагай, что я должен делать?

– Пошли какого-нибудь толкового парня присмотреть за Людмилой. Она поедет за вещами к подруге. Метро «Медведково».

– «Медведково»? – переспросил майор. – Далековато. Но ладно, – он улыбнулся, – подпишусь. Сам поеду. И если время зря потеряю, то...

– Ты поаккуратнее. Что-то не нравится мне все это.

– Будь спокоен, – ответил Игорь. – Давненько я не пас никого. Стариной тряхну с удовольствием.

– Я сегодня дежурю, – недовольно сказал Федоров, – а то и не просил бы тебя.

– Все будет путем, – улыбнулся майор.

– Значит, встречу назначил? – усмехнулся Станислав. – А ты по-прежнему авантюрист, поперся в пасть волку. Ведь тебя и убить могли запросто.

– Запросто не получилось бы, – засмеялся Баркас. – Я все-таки не мальчик. Он уверенный в себе деляга, шестерки в охране, дом ого-го, все по большому счету! Чувствуется, что живет не на пенсию. Баба у него молодая и довольно интересная. Но та еще жучка, глазки так и стреляют. Правда, я задергался, когда он про двух парнишек, которых мы сделали, спросил. Да еще эти шавки вроде как навалиться собирались. С ними бы я в легкую управился, но...

– Тюрьма в тебе след оставила, ты говоришь так, будто в тюрьме родился.

– Так я с публикой этой уже пять лет, – вздохнул Баркас. – Порой зовут по имени, а я ноль внимания. Привык – Баркас да Баркас.

– А как тебя в тюрьме-то звали?

– Так и звали, как в армии. Я сам так назвался. И знали меня по воле многие. В общем, тюрьма мне особенных проблем не создала. Нормально, сидел и вышел нормально. Правда, дельцы работу предлагали, что-то вроде охраны, но я отказался. Не по мне на цепочке ходить и хозяина охранять.

– Да, Глеб, – усмехнулся Станислав, – никто бы не подумал, что мы вроде чеченцев станем. Ведь если брать нас начнут, – объяснил он возмущенно открывшему рот Глебу, – мы

в них стрелять будем. С огневой подготовкой у нас полный порядок, да и воевать мы умеем. Так что...

– Я в ментов стрелять не стану, – возразил Глеб. – Лучше, если уж деваться некуда будет, пулю в висок пушу. Ведь среди них многие в Чечне были и кровь проливали. Помнишь тот пост около Ханкалы?

– Да помню я все. Но даже если там свои будут, стрелять начну. Потому что предали меня все. И родина, и эти, которым мы жизнь в Чечне спасали. Я освободился от армии, поехал деньги получать в Ростов. Там мужики, такие же контрактники, как я, месяц сидели, деньги получить не могли. В общем, неделю просидел, потом по душам с одним майорчиком, крысой тыловой, перебазарил, и меня товарищи из милиции увезли. Дубинками охаживали, скалились, легавые. Один старлей там не по делу выступал. Он в Чечне дважды был и все пытался достать меня: вы, контрактники, за спину солдатиков прятались. А я в первую не прятался, да и во вторую тоже...

– Менты разные бывают, – перебил Глеб. – Меня тоже повязали двое ментов, оба в Чечне были – старлей и капитан. Готовы были пристрелить. А еще один, прапорщик, все для меня делал. Хотя если честно, то у меня обиды и на тех двоих нет. Работа у них такая, а я, как ни крути, преступник. А тебя в Ростове повязали и...

– Отпустили через два дня. Вот тогда я и рассвирепел. Вернулся в Хабаровск и не знаю, что делать. Ну и согласился

на одного делового работать. Дальше – больше... в крови испачкался. Теперь я их по гроб. Правда, знаешь, – вздохнув, он достал сигарету, – есть у меня думка одна. Поэтому и на Воеводу хочу выйти, и с тобой встретился. Как ты, – он пристально посмотрел в глаза приятеля, – не побоишься руки в крови испачкать?

– Понял, – кивнул Глеб, – хочешь занять трон того деляги, который тебя...

– Да, – ответил Станислав. – Так как, могу я на тебя рассчитывать?

– Запросто. Я таких деловых, мать их за ногу и об стенку, на месте бы кончал. А быть правой рукой мафиози – мечта золотого детства! – Глеб рассмеялся. – Только что-то я не въеду, при каких тут Воевода? Может, растолкуешь?

– Обязательно. Но сначала я с ним переговорю. Для меня этот разговор важен. И еще: постарайся организовать встречу с Чемпионом.

– А он-то зачем тебе нужен? – удивился Глеб. – Он точно не подпишется. Просто время потратишь, да и уважение тоже потерять можем. Он чист, как слеза ребенка. Я к нему пару раз занырнул, а он принял довольно прохладно, я и вообще перестал...

– Узнай, где и когда я могу с ним встретиться.

– Лады, – нехотя согласился Глеб.

– Надо было надавить на него, – раздраженно заявила Кристина, – и он бы все рассказал о своем знакомом...

– Слушай сюда! – гневно проговорил Исак. – Я не хочу слышать от тебя советов. Занимайся своим делом и не лезь в мои. Поняла?

– Да! – крикнула она и вышла.

– А ты почему еще не в Хабаровске? – закричал и он.

– Босс психует, – кивнул на дверь кабинета Робот. – Похоже, сейчас ему на глаза лучше не показываться. Скорей бы в Хабаровск улететь. Что-то непонятное с Воеводой, таким я его раньше не видел.

– Ему звонил сегодня кто-то, – отозвался стоявший рядом Клен. – После этого разговора он и запсиховал. Чувствуется, что...

– Это уже не наше дело. Но получается, что этот Баркас прав. Завалил наших двоих, а Исаку все равно. Я думал, он нам его отдаст, а тут...

– Так, может, сразу обоих и кончим? Ведь Воевода вроде согласился на встречу...

– Посмотрим, – буркнул Робот.

Мимо стремительно прошла разъяренная Кристина. Робот проводил ее взглядом и усмехнулся.

– Так, – посмотрел на часы Станислав, – вперед на мины, старлей. Чем все кончится? Впрочем, хуже не будет.

– Чего тебе? – подняв голову от книги, хмуро посмотрел на вошедшего в комнату крепкий мужчина с рваным шрамом на левом виске.

– Горец хочет с тобой поговорить, – ответил Глеб.

– Стасик? – Тот отложил книгу. – Он в Москве?

– Да, – кивнул осмелевший Глеб, – и хочет увидеться с тобой.

– Так в чем дело? – Мужчина поднялся с кресла-качалки. – Где он?

– Делами занят. Просил договориться с тобой о встрече.

– В любое время. Правда, непонятно, почему он сразу не...

– Я сказал, – перебил Глеб, – что ты меня не очень-то приветливо встречал.

– Ну вот что, – поморщился хозяин, – я вообще-то не понимаю и не принимаю слабаков. А ты таким и оказался. Десятилетник, два раза воевал, а сломался. В тюрьму попал, рэкетом занимался. Разве тому тебя учили, чтобы ты на рынке торгашей ломал?

– Знаешь, ты не прокурор, капитан, – отрезал Баркас, – а я в свой адрес такого наслушался!.. Я к тебе как к командиру зашел, а ты...

– Я тебе объяснил, почему я так тебя встретил. Как однополчанину я тебе всегда помощь окажу и поддержку во всем.

– А где же ты, капитан, был, – зло спросил Глеб, – когда я с голоду подыхал? Заболел я сильно, и ни одна б...

– Позвонил бы.

– Сам выкрутился. Но к чему этот базар? Что Станиславу сказать?

– В любое время пусть приходит. Вот моя визитка. Сна-

чала позвоните.

– Значит, и мне можно? – усмехнулся Баркас.

– Конечно, жду. И чем быстрее, тем лучше.

– Вот, значит, как, – пробормотал Исак. – Выходит, он снова на коне. Я, грешным делом, думал, что кончился царь зверей. А он выжидает. Ну что ж, мне без разницы, с кем дело иметь. Только интересно, как вы с Бароном поступите? Ведь он просто так не отойдет от дел. Кроме того, его знают, а ваша команда, как говорится, кот в мешке. Интересно было бы увидеть ваш товар, вот тогда и разговор был бы.

– Надеюсь, вы не думаете, – спокойно заметил Станислав, – что Лев Игнатьевич может поставить на рынок товар, не отвечающий требованиям покупателя? Мы знаем спрос, и, разумеется...

– Вот что, – остановил его Исак, – поговорим об этом завтра. Я должен кое-что выяснить и подумать. До завтра, – кивнул он.

– Я хотел бы получить ответ сегодня, – не двигаясь с места, улыбнулся Станислав. – Вполне возможно, я уеду ночью. У меня...

– Я сказал, – раздраженно перебил Исак, – что отвечу тебе завтра. Приходи вечером.

Станислав вышел.

– Он или дурак, – прошептал Исак, – или очень умен. Я хочу знать о нем все.

«А она очень даже неплохо выглядит, – думал идущий за

вошедшей в метро Людмилой Игорь. – Умеет краситься, и походка очень даже ничего. По крайней мере четверо мужиков провожали взглядами. Тебе бы, Люсьен, мужа нормального и работу. Тогда бы все в твоей жизни было хорошо. Но зачем я-то, дурак, влез в это частное расследование капитана Федорова? Я ему завтра скажу много хорошего... Что с ней может случиться? Кому она нужна?»

Людмила спустилась по эскалатору и, вздохнув, посмотрела на часы.

«Успею, – подумала она. – Надеюсь, Робот ее не нашел. Господи, – она поежилась, – все-таки мент прав. Меня ищут. По крайней мере Робота точно кто-то прислал. Скорее всего Исак. Вот Отмычка, зараза, подвел меня под монастырь. Я хоть и не показываю этому Федорову своего страха, но боюсь до ужаса. Надо будет Клавке сказать, чтобы обо мне вообще никому ничего не говорила. Я попрошу у Федорова денег и умотаю из Москвы. А то ведь Отмычка сейчас, наверное, тоже злится. Еще пришлет каких-нибудь отморозков. Хотя нет, Илья вор, а не баклан. На кой хрен я, дура, эти побрякушки нацепила? Повыводываться захотелось. А эта Лидка, лярва позорная, подкалывать начала. Я и врезала, она – мне. В общем, здорово мы с ней покатались. Лидка баба здоровая и на зоне была. Хорошо еще, что менты растащили. А то бы точно прибили одна другую».

– Короче, – посмотрел на часы Клен, – все поняла?

– А вы меня не убьете? – тихо спросила бледная толстуха.

– Хорош тебе, Клавка, жути на себя нагонять, – усмехнулся рослый парень. – Встретишься с Люсьен, скажешь, что сумка в тачке. Подойдете, и все, ты свободна. Получишь двести зелени и гуляй. Конечно, если где-то что-то вякнешь...

– Ни за что, – поспешно заверила Клавдия.

– Ты все поняла? – повторил Клен.

– А если она не пойдет к машине? – облизнув пересохшие губы, спросила Клавдия.

– Главное, выведи ее из метро, – сказал Клен.

«Прибыли. – Майор посмотрел на часы. – Значит, сейчас она выйдет, и там ее встретит подруга. Отдаст ей сумку, и все дела. Ну, Федоров, – вздохнул он, – я тебе скажу много-много неприятного!.. Правда, очень хочется, чтобы Сашка оказался прав. Конечно, это грозит ему, да и мне, служебным расследованием, но хочется мне нос утереть этим умникам из следственного отдела. Так, – заметив, что Людмила остановилась рядом с какой-то женщиной, майор насторожился, – кажется, вот она, подруга. Нет, пошла к выходу в город».

– Это она! – Рослый толкнул локтем Клена.

– Вижу, – кивнул тот. – А где Гнедой? Засек он кого или нет?

– Нет. Вот он, – увидев шедшего к ним плотного, коротко стриженного парня, сказал Клен.

– Чисто за ней, – подойдя, проговорил плотный. – Из вагона вышла, с какой-то бабой остановилась, они столкнулись.

– Точно хвоста нет?

– Сукой буду. Я ментов на нюх беру.

– Все, – подойдя к Клену, кивнул невысокий мужчина в очках, – мы готовы.

– Сейчас начнется, – отозвался Клен.

«Значит, это и есть Клавка. – Прикуривая, майор увидел подошедшую к Люсе толстуху. – Сумки нет, – отметил он. Потом взглянул на часы и, делая вид, что кого-то ждет, посмотрел в сторону остановки. – «Скорая», почему она там стоит?»

– Сумка где? – спросила Людмила подошедшую Клаву.

– В такси оставила, – та мотнула головой назад. – Пойдем, и возьмишь.

– Неси сюда, – не двигаясь с места, проговорила Людмила, – и побыстрее.

– Но я...

Не договорив, женщина вздрогнула. Хотела обернуться, но, покачнувшись, стала падать.

– Клавка! – Людмила попыталась удержать ее. Вцепившись в руку падающей толстухи, упала на нее.

– Женщине плохо!.. – раздался чей-то громкий голос.

* * *

«Прав Сашка! – Игорь рванулся вперед. – Толстуху чем-то кольнули в задницу. И «скорая» здесь не зря».

– «Скорая» уже тут! – раздвигая окруживших лежащую на спине Клаву и присевшую около нее Людмилу, громко сказал Клен. – Разойдитесь! Сюда, доктор, – позвал он.

– Да дайте же дорогу, – сердито говорил невысокий мужчина в белом халате. – Что случилось? – Подойдя, он присел рядом с Клавдией.

– Разойдитесь, – потребовал подошедший старший сержант милиции. – Все разойдитесь!

«Если что, – подумал майор, – сержант поможет. Однако, отступая в сторону от пятившейся задом толстой пожилой женщины, он с удивлением увидел, как рослый парень толкнул милиционера локтем. – Кажется, куплен или переодет. Значит, прав Сашка-то».

– Надеюсь, вы будете сопровождать знакомую? – Врач посмотрел на Людмилу. – У нее нет документов. Пойдемте.

– Что с ней? – испуганно спросила Людмила.

– Сердце, кажется, – пробормотал врач. – Давление сто восемьдесят на сто десять. Надо немедленно в больницу.

– Но я не могу... – покачала головой Людмила.

– Поехали! – Клен крепко взял ее за руку. – Надо проверить и тебе. Вдруг...

– Люська! – раздался громкий крик. – Племянница! Вот это встреча! – Отшвырнув Клена, к Людмиле подбежал майор. – Я приехал, а тебя нет! – обняв перепуганную Людмилу, громко говорил он. – Я от Федорова, – прошептал он ей на ухо, – а сейчас твой дядя.

– Дядя Паша! – радостно взвизгнула Людмила. – Я думала, ты завтра приедешь.

– Извини, док, – увлекая ее за руку в сторону станции метро, обратился к врачу майор. – Племянницу три года не видел.

– Сделай что-нибудь! – Клен толкнул милиционера локтем.

– Валим! – подскочил к нему рослый. – Кто-то в натуре «скорую» вызвал.

– Давай за ней! – кивнув на уходивших «дядю» с племянницей, зло бросил Клен.

– Прав был Сашка, – бормотал идущий рядом с Людмилой майор. – Охотятся за тобой. Жаль, светиться нельзя было, я этого сержанта сразу доставил бы куда надо. Но буду ездить сюда и узнаю, кто это такой. Сука! – Он сплюнул.

– О ком ты? – спросила Людмила.

– Да о милиционере. – Остановившись у кассы, майор выронил кошелек. Поднимая, оглянулся. – За нами двое. Одного я, кажется, видел. Точно. Когда ты вышла из вагона, он следом пошел. Как же я его сразу не срисовал?

– Поехали скорее. – Людмила показала ему два жетона на метро.

– Молодец, племянница! – громче обычного, для остановившихся рядом, произнес майор. – Пошли.

– Один там был, – на ходу испуганно прошептала Людмила.

– Спокойно, – улыбнулся он. – Сейчас мы их сделаем.

– Я вас уничтожу! – прошипел Робот. – Вообще ничего не умеете. Если и Клен ни с чем придет, морды всем разобью! – Стоявшие перед ним трое парней молчали. – А ты? – Схватив за грудки невысокого мужчину в очках, Робот рывком подтянул его к себе. – Доктор хренов! Тебе, сука, что говорили? А теперь врачи узнают, что эту толстуху уколom свалили. Козел! – Короткий тычок большим пальцем левой руки в солнечное сплетение согнул псевдоврача. Ловя широко открытым ртом воздух, тот упал на колени и уткнулся лбом в пол.

– Вот что, – тихо сказал стоявшей рядом Людмиле Игорь, – войдешь в вагон и, если я буду выскакивать, сразу за мной.

– Ладно, – кивнула она.

* * *

– Привет, Чемпион, – сказал Станислав сидевшему в кресле-качалке капитану.

– Здорово! – Поднявшись, тот шагнул вперед. – Наконец-то соизволил явиться. Как живешь, старлей?

– Капитан запаса, – улыбнулся Горец. – Живу вполне. А ты как, Юрий?

– Давненько меня по имени не называли, – вздохнул Чемпион. – Садитесь, – он кивнул на накрытый стол, – отметим

встречу. Глеб, правда, обвиняет меня в том...

– Да ни в чем я никого не обвиняю, – возразил Баркас. – Что случилось, то случилось.

– Ну и что тебе в Москве понадобилось? – спросил Станислава Чемпион.

– Да просто развеяться решил, – ответил тот. – Вас проведать. Его и тебя. – Он кивнул на Глеба.

– Если это правда, – улыбнулся Чемпион, – хорошо. Но мне кажется, ты немного...

– Совсем немного, – засмеялся Станислав.

– Садись! – Чемпион усмехнулся.

– Ну? – увидев вошедшего Клена, а следом плотного, процедил Робот. – Чем порадуете?

– Они, видно, поняли, – зло проговорил Клен, – что следим, и выскочили из вагона. Мы не успе...

Сильный удар кулака в лоб отбросил его на плотного. Прыгнув вперед, Робот приземлился левой ногой на лоб Клена, правой – на грудь плотного. Отскочив, плюнул на окровавленное лицо Клена и, выматерившись, вышел.

– Ну что? – встретила вошедшего мужа Ганна.

Тот отшвырнул в сторону дипломат и выматерился. Сел на стул.

– Водки дай! – закричал он и снова выругался.

– Да что ты лаешься как собака? – спросила Ганна. – Что случилось?

– А ничего! – Он скрипнул зубами. – Да дай водки-то! –

он грохнул кулаком по столу.

– Что случилось? – не двигаясь с места, повторила она.

– Велели сухари сушить, – процедил Василь. – Этот жулик, мать его, – он снова треснул кулаком по столу, – нарисовал схему, где и что брал. Сука!

– И ты поверил? – раздался насмешливый голос Сурикова. – Если бы так было, милиция явилась бы сюда и все проверила.

– Верно, – кивнул Торба.

– А что ты говорил? – спросил Феликс.

– Да что я мог говорить? – отмахнулся Торба. – Как всегда, ничего не знаю, ничего не ведаю...

– Все надо убрать, – заявил Феликс.

– Уже убрал. Но просто спать не могу. До сих пор не пойму, как он, гнида, влез? Как узнал все? – Василь растерянно посмотрел на Сурикова.

– Выясним, – кивнул тот. – Сейчас главное, чтобы ты не допустил глупости. Ты действительно все убрал?

– Убрал. Сразу как вышел из милиции.

– Вот деньги. – Суриков положил на стол толстый пакет. – Пять тысяч, – опередил он вопрос Торбы. – И больше не будет.

– Хоть на это раскошелились, – проворчал Василь. – Пересчитай. – Он протянул пакет жене.

– И вот еще что, – добавил Феликс, – так и держись – ничего не знаешь. Хрен что тебе могут доказать. Если же еще

раз заикнешься, что можешь сдать, я тебя лично придушу.

– Что? – Василь вскочил. – Да я таких, как ты! – Он рванулся к адвокату.

Короткий удар кулаком в подбородок остановил Василя. Он упал. Ганна схватила ножницы и замерла. В руке Феликса блеснул пистолет.

– Ножницы на место положи, – улыбнулся он, – а то, не дай Бог, поранишься. И вот еще что, – по-прежнему улыбаясь, проговорил он, – зачем ты наняла вора?

– Да ты что! – воскликнула она. – Я даже не знаю, где у Василя что лежит. Ты совсем тронулся! – Она плюнула в его сторону. – Как ты можешь.

– Тогда как вор нашел сейф? – перебил Феликс. – Ведь даже милиция не смогла во время обыска...

– Да не было никакого обыска. Они осмотрели комнаты, а потом я вмешалась. Покажите, говорю, ордер на обыск. Они и перестали.

– Вот оно что... Гад, – Суриков взглянул на лежащего без сознания Торбу, – и тут набрежал! Что еще он говорил не так?

– Не все у него украли, – посмотрев на мужа, тихо ответила Ганна. – Взяли колец десять, цепочек две коробки, сережек тоже, кажется, коробку. Это он по телефону кому-то говорил. А насчет того, как вор забрался, я думаю, что любовница его помогла. У него какая-то шлюха есть, – вздохнула она. – Вот на нее я и думаю. Не из ревности, а просто

как есть. Она, кажется, все знала.

– Вот это новости, – удивленно пробормотал Феликс. – А ты точно говоришь?

– Зачем мне врать-то? – Ганна пожала плечами. – Как думаю, так и говорю. Ему часто звонит кто-то. Не знаю откуда, но не из Москвы звонки.

– Понятно, – кивнул Феликс. – Вот что, Василию об этом ни слова, поняла? Мы с ним сами разберемся. Надеюсь, переживать из-за муженька не станешь? – насмешливо спросил он. – А то еще и в милицию заявишь.

– Не стану. Мне он уже вот где стоит!.. – Она приложила ладонь к горлу. – Надоело мне все. Я уже не человек, а так, что-то вроде прислуги. Он мотается...

«Значит, ты могла это рассказать и из злости или ревности, – подумал, не слушая Ганну, Феликс. – Хотя ведь прекрасно понимаешь, что шутить этим нельзя, опасно».

– ...в Ярославль часто ездит, – вздохнула она. – Там у него какой-то друг живет. Он и ему отвозил несколько перстней. Тот дороже покупал.

– Когда?

– Дня за три до кражи.

– Ясно... – Услышав протяжный стон Василя, Феликс сел в кресло.

– Пришибу гада, – промычал пытавшийся встать Торба.

– Извини, – улыбаясь, проговорил Феликс. – Но я тут ни при чем: инстинкт сработал. Ты мужик здоровый, и, если

врежешь, мало не покажется.

– Умеешь бить, – промычал, держась за скулу, Торба.

– Жизнь научила, – сказал Суриков. – Сам ты виноват. Сколько раз говорил о том, что, если тебя посадят, всех на нары пристроишь. А у меня нет ни малейшего желания попадать в тюрьму. Веди себя правильно, и все будет нормально. Разумеется, от дел ты сейчас отойдешь...

– А жить на что буду? – простонал Торба.

– У тебя два ларька, – напомнил Суриков, – магазинчик. Вполне хватит на некоторое время, пока все успокоится. И вот еще что, – он сделал вид, будто только что вспомнил, – у тебя оставалась коробка с сережками, завтра отдашь ее мне. Не прошу сегодня, так как...

– Ее этот ворюга украл, – перебил Торба. – Я же говорю: все, что вы мне привезли для реализации, ушло. Этот гад меня...

– Я и забыл, – улыбнулся Феликс. – Но мы найдем все. Сегодня, ну, от силы завтра с этим жуликом проведут профилактическую беседу, и он будет откровенен, как на исповеди.

– А кто хоть он есть-то? – спросил Василь.

– Да так, – отмахнулся Суриков, – вор-одиночка, из старых. Опытный ворюга, работает один, и заступиться за него некому. Завтра мы точно все узнаем.

В глазах Торбы мелькнул испуг:

– А ты думаешь, он правду скажет?

– Тем, кто будет спрашивать, врать он не станет.

– Извини, – вздохнул майор, – ты был прав. Ее, – он кивнул на сидевшую на диване Людмилу, – чуть было не уволокли. Той, с кем она встречалась, укол сделали, она сразу и отъехала. Я звонил в больницу, из которой «скорая» приехала, мне обещали сказать, что именно ей вкололи. И знаешь, там были парни Исака, ну, Воеводы. А старшего сержанта чем-то купили или...

– Ясно, – кивнул куривший у окна Федоров. – Значит, теперь и ты поверил? Спасибо, Игорьь.

– Да не за что. С ней проблем не было. Я вроде как дядя ее, только что приехал. Опасение было, что мадам не так среагирует. Но она молодец, – он подмигнул Людмиле, – соображалка работает.

– Я узнала там одного, – сказала Людмила. – Он в баре часто с Роботом бывает.

– И как все это начальству объяснить? – с досадой спросил капитан. – Ведь сразу ткнут – не в свои сани не садись. А у меня из головы тот наркоторгаш не выходит. Вечером он у меня защиты просил, а утром мы его убийцу искать стали.

– Да брось ты, – остановил его Игорьь. – Сейчас, конечно, с этим никуда не пойдешь. Мы менты, и нам веры ноль. Ей, – он кивнул на Людмилу, – тем более. Сейчас ведь закон работает на бандюков. В общем, надо что-то конкретное искать. Знаешь, мне это даже нравится начинать. Вроде как свое расследование проводим. Что дальше-то?

– А черт его знает, – пожал плечами Александр. – Главное,

чтобы ее не убили. Привезут Отмычку, и тогда будет видно. Хотя вот что, – он взглянул на Людмилу, – ты нам скажи, только честно, что ты знаешь о краже? Не бойся, не для протокола, и мы никому ничего не скажем. А если и скажем, то ты в любое время отказаться сможешь. Понимаешь, просто так тебя бы выискивать не стали. А тут еще двое каких-то примазались. Что не от Отмычки они, это понятно. Но что им-то нужно было? Почему они на конфликт с парнями Робота пошли? Ведь Робот – человек Исака, а он, как ни крути, не пешка. А они запросто сворачивают головы двум парням Робота. Странно все это...

– Илья с кем-то по телефону разговаривал о молдаванине, – помолчав, сказала Людмила. – Потом ездил два раза. Привез план, который нашли менты.

– Понятно, – кивнул Федоров, – значит, кто-то дал наводку. А что именно он украл, кроме того, что подарил тебе?

– Деньги. Не знаю точно сколько, мне он дал пятьсот долларов и двести евро. И рублями около пяти тысяч. Ну к тому же то, в чем меня из бара забрали, – вздохнула она. – Но в его сумке что-то еще было, точно говорю. Куда он сумку дел, не знаю. Он с ней утром умотал...

– А во сколько он с дела вернулся? – спросил майор.

– Ушел в обед, а вернулся вечером. Где-то около девяти. Как раз «Спокойной ночи, малыши!» начались... – Людмила вздохнула и опустила голову. Мужчины услышали, как она всхлипнула.

– Ты что слезы-то льешь? – удивился Игорь.

– У меня сын есть, – снова всхлипнула она, – его отец забрал. Ну тот, от кого я родила... – Людмила зарыдала.

– Сын? – в один голос спросили милиционеры.

– Да, – плача, отозвалась она.

И тут зазвонил телефон.

– Да? – Александр снял трубку. Посмотрел на Игоря. – Ясно. В милицию сообщили?

– Укол, усыпляющий зверей, – удивленно покачал головой молодой мужчина в прокурорском мундире. – Кто-то пошутил или маньяк объявился?

– Здесь что-то другое, – возразил невысокий майор милиции. – Свидетели говорят, что тут же пришел врач со «скорой». Кроме того, там была какая-то молодая женщина, вроде подруга толстой, и ее пытались увезти. Но внезапно объявился ее дядя, она его узнала, и...

– А личность пострадавшей? – Следователь посмотрел на оперативника.

– Устанавливаем. При ней не было никаких документов. Подругу, ту, которую увез дядя, ищем. Правда, шансов на то, что найдем, очень мало. Ее лица никто не запомнил.

– Узнайте, как зовут потерпевшую, – распорядился следователь.

– Значит, так и не скажешь, чем именно занимаешься? – отпив глоток из фужера, спросил Чемпион.

– Врать не хочу, – улыбнулся Станислав, – а правду гово-

ритель не всегда можно. Извини, командир, но...

– Давно такого обращения не слышал, – покачал головой Чемпион. – Не скучаешь по делам чеченским?

– Есть немного. – Станислав вздохнул. – Правда, все меньше и меньше. Сейчас без войны жить можно. Хотя она в каждом из тех, кто прошел ее, живет. Но скорей бы забыть все...

– Ладно, – подняв фужер, Чемпион встал, – давайте за тех, кто там остался. По-славянски.

Все трое, сжимая фужеры, соприкоснулись кулаками и сразу выпили.

– Да хрен его знает, что за мужик, – раздраженно проговорил невысокий боевик. – Морда обыкновенная, и она его признала.

– С дома, где живет эта шалава, глаз не спускать! – приказал Робот. – И всех, кто ее знает, предупредите – как только что-то о ней услышат, пусть сообщат нам. Обещайте бабки хорошие за информацию. Что-то тут не так. Этот дядя, су-чара, из-под носа ее увел.

– Мне не нравится, как ты работаешь в последнее время, – сказал Исак. – Много проколов. Ведь иначе сделанный ей укол не назовешь. Кстати, кто придумал такой номер? Я об этом и не слышал раньше.

– Профессор. – Робот кивнул на невысокого «врача». – Хотя ничьей вины здесь нет. Кто-то вызвал «скорую», и поэтому пришлось сваливать. Все бы получилось, если бы...

– Если бы «бы» не помешало, – усмехнулся Исак. – Поче-

му сразу не занялся этой шлюхой?

– Мы только что узнали про нее, – вмешалась вошедшая Кристина. – Информация поступила слишком поздно. Твои купленные менты, после того как накрыли группу муровцев, боятся и...

– Хватит! – не выдержал Исак. – Найти эту шлюху, – кивнул он Роботу. – А ты почему не в Хабаровске?! – тут же зло спросил он Кристину.

– Сегодня улетаю, – спокойно ответила та, – вечером. Ты лучше послушай, что тебе сообщит Феликс.

Повернувшись, Исак увидел вошедшего адвоката.

– Ну? – спросил он.

– Ганна рассказала мне следующее... – начал тот.

– И что ты думаешь о Чемпионе? – спросил Глеб.

– А что тут думать? – ответил Станислав. – Бывший спецназовец, трижды чемпион по рукопашному бою, бывший капитан, бывший командир группы. Все бывшее. А в настоящем утешает себя тем, что готовит, как он думает, из мальчишек будущих солдат для родины, замену нам. – Он усмехнулся. – Жил бывшим, живет будущим, вот и все.

– А мы для него, значит, теперь что-то вроде чеченцев, – пробормотал Глеб. – Не знаю, как ты, а я заметил в его глазах... не презрение, а пренебрежение, что ли. Но живет он роскошно. Видел...

– Видел, – не дал договорить ему Станислав. – Но это уже не наше дело. Короче, ты как? Со мной или...

– Где наша не пропадала, – улыбнулся Глеб. – Да и надоела мне порядком бдительность нашей милиции. Как где что-то случится – жди, придут. Сколько раз с баб снимали, – недовольно вспомнил он. Станислав рассмеялся. – Тебе, конечно, – Глеб покосился на него, – смешно. А мне не до этого. Бабок ухватишь, праздник нужен. А что за праздник без бабы? Ну и пригласишь какую-нибудь более-менее нормальную. Этими девочками по вызову брезгую. Только вроде дело к постели, вламываются ребята из опергруппы и под ручки в тачку. Пока суд да дело, сутки пройдут, и испорчен праздник. Правда, только два раза бабы более-менее сознательные попадались, – засмеялся он, – не обворовывали. А раз пять чистили. Слышь, Горец, – он вернулся к прежнему разговору, – а тебе не показалось, что Чемпион...

– Хватит, – перебил его Станислав. – Это не наше дело, поэтому давай больше не будем о нем. Мне показалось – завидует нам Чемпион. Что тебе, что мне. Нашей молодости, тому, что мы кое-что еще можем. Его же разжаловали перед тем, как он из армии ушел. Был майором, а стал капитаном. Наверняка обида в нем жива, потому он и не принял тебя тогда. Впрочем, все равно спасибо ему. Ведь благодаря капитану мы живыми остались. Гонял он нас, конечно, нещадно и жестоко, но иначе мы точно там остались бы.

– Ты к Воеводе поедешь? – спросил Глеб.

– Он меня сам найдет. Просто хочет показать, кто есть кто. Но я не мальчик. Он прикинет варианты и поймет, что

я – это самое лучшее, что у него может быть. Правда, мне не понравилось кое-что. Наверное, нужно с кем-то посоветоваться. Я считаю деловым того, кто сам принимает решение насчет контракта. В общем, посмотрим, что получится.

– Ты полетишь со мной, – сказала Роботу Кристина, – и возьми с собой еще...

– Мы уже готовы, – улыбнулся Робот. – А что с Воеводой? Таким дерганым я его давненько не видел.

– С Торбой дело менты пытаются раскрутить, – вздохнула она. – Мы из-за этого и летим в Хабаровск. Надо заставить наших партнеров что-то делать. Они все попрытали головы в песок, а их скорее всего вот-вот начнут брать. В общем, мы едем не отдыхать.

– Но Воевода зря тебя посылает, там ведь Барон, а ты...

– Закрой рот, – посоветовала она, – и молчи.

– Лады. Мне-то все равно. А что из столицы меня увозишь, это даже хорошо. Если действительно менты докопаются, то мы успеем...

– Сплюнь, а то накаркаешь.

«Боишься, – мысленно усмехнулся Робот. – Ништяк, что уезжаем. Как только что-то пойдет не так, я вас всех в гробу видел. С ходу когти сделаю, и ищите-свищите. В Хабаровске тоже спокойной жизни не будет. Ведь она наверняка Барону нарисуетя. А там...»

– Через час жду, – сказала Кристина.

– Точно ли он работает на Льва? – задумчиво пробормо-

тал Исак. – Знает многое, в курсе того, что в Хабаровске задержан Алимов, и о наших проблемах ему тоже известно. Надо бы, конечно, узнать, от кого он получает информацию, но если бы решения мог принимать я сам, то все было бы по-другому. Конечно, не так, как сейчас, но и не хуже. – Он посмотрел на часы. – Кристина скоро улетит. Правда, там припутался Барон. Но главное сейчас – дело. Слишком много неясного, и мы очень близки к провалу. Поэтому я и не дал Станиславу внятного ответа. Хотя отпускаю Кристину без особой охоты. Но это уже ревность.

– Вот что, – предупредил вошедшего с заведенными назад руками Алимова мужчина в штатском, – если надумаешь душить меня, подумай о здоровье, изуродую. Сними наручники, – кивнул он стоявшему позади Алимова милиционеру.

– Да это можно, – усмехнулся невысокий лысый мужчина. Правда, все зависит от объекта. Если он за федеральным ведомством, то дороже...

– Перестань, Зубр, – сказала Илина. – Ты же понимаешь, с кем разговариваешь. Мы с тобой не на рынке, где я, кстати, уже давно не была.

– Ясно, – кивнул невысокий, – значит, Гарика нужно удавить. Ну что ж, мы проработаем. Но в милиции это не получится. Грызлов, сука, навел шороху среди ментов, поэтому все сейчас боятся всего и всех. Раньше с этим было проще и легче.

– А почему ты решил, что заказ будет на Алимова?

– Давай не будем ля-ля-тополя. Ваша фирма...

– И многие знают об этом?

– По крайней мере деловые почти все.

– Прекрасно. Выходит, ты знал, что к тебе обратятся с этим. И что надумал?

– Я сказал, что в СИЗО это возможно. В ИВС – нет. Тем более что к нему особое внимание. Наверняка в хате с ним...

– В какой хате? – удивленно переспросила Илина. – Он же арестован.

– Хата – это камера, – объяснил Зубр. – Так вот я и говорю: с ним сидит по крайней мере парочка стукачей. Информацию вытягивают и охраняют, чтоб с ним ничего такого не случилось. Он ведь ценный фрукт для ментовской вазы. Если кольнется, много чего менты узнают и многим лапти сплетут.

– Ты по-русски говорить можешь? – рассердилась Илина.

– Феня, то есть блатной жаргон, самый что ни на есть русский язык, – рассмеялся Зубр. – В общем, его надо убирать. Молчать он долго не сможет. Взяли его с поличным, и все разговоры о том, что чемоданчик чужой, не прокатят. Его очень скоро заставят говорить. У ментов сейчас правила довольно жесткие. А тут все-таки дело миллионное. У него железа с камешками изъяли почти на четыреста тысяч в у.е. И наверняка это уже не первая партия, так что давить Алимова будут по полной программе. Поэтому...

– Слушай, – недовольно прервала его Илина, – не надо

демонстрировать свою осведомленность. Ты берешься за это или...

– Короче, – на этот раз не дал договорить ей Зубр, – десять.

– Хорошо. Срок исполнения – пять дней. Завтра его переведут в тюрьму.

– Годится! – Достав сигарету, Зубр прикурил. – А что насчет Отмычки решили? – неожиданно спросил он. – Ведь он колетса уже. И вашему московскому приятелю...

– Слушай, – раздраженно перебила Илина, – это уже не твое дело. И не суй нос, куда не просят, могут и отрезать.

– Ого! – весело удивился он. – Молодец ты, девонька. Меня только в детстве пугали. Но учту на будущее! – Он рассмеялся.

– Значит, мы столковались? – помолчав, стараясь говорить спокойно, уточнила Илина.

– Конечно. Задатка я не беру. Но и платить советую вовремя, иначе счетчик включается и все такое. Да, убирать меня тоже не советую, неприятности будут. Сейчас о палеве Алимова все деловые перетирают. А тут еще Отмычка потрянул вашего покупателя в столице. Снова неприятности. Если насчет Отмычки что-то решите, обращайтесь. Правда, там цена будет другая. Отмычку МУР взял, а это контора очень серьезная. Хоть и нашли там каких-то «оборотней», но все-таки МУР есть МУР, и по мелочевке они не работают. А уж если клиента, которого они хапнули, уберут, вообще караул.

– Сделай Алимова, а там и об остальных поговорим.

– Значит, не один Отмычка вам светофор закрыл... А может, ты и Барона на тот свет спровадить желаешь? Этот не дорого обойдется, – не дав ответить блеснувшей глазами Илине, усмехнулся Зубр. – Барон многим не по нраву. Дорогу он перешел парочке-тройке законников, а уж скольких закопал, один Бог знает. Так что если надоело тебе постельку с ним делить, обращайся, дорого не возьму.

«А ведь он говорит вполне серьезно, – поняла Илина. – О том, что Леонид немало людей убрал в конце девяностых, я слышала. А Зубр много знает. Надо будет с ним поговорить очень серьезно. Понятно, почему наши люди иногда пропадают, это месь Барону».

– Надо встретиться в неофициальной обстановке, – улыбаясь, проговорила она.

– Если думаешь меня соблазнить, – усмехнулся Зубр, – предупреждаю, чтоб потом не разочаровывалась: голый номер. Мне бабы как шли, так и ехали. Раньше про это стеснялся базарить, а сейчас нет. Все-таки уже пятьдесят с небольшим. Я и без бабья кайф ловить научился. А насчет встречи – пожалуйста, для хороших людей у меня всегда время имеется.

– Как настроение? – спросил Ларионов сидевшего на табурете Отмычку.

– Как на даче, – вздохнул тот, – ни бабья, ни передачи. Курева принес?

– Вот, – капитан положил на стол две пачки «ЛМ», – и десять тебе в передаче. Ну и поесть кое-что.

– Люську еще не пришили? – открывая пачку, спросил Отмычка. – Если она светанула драгоценности, то наверняка Торба в курсе, кто у него в гостях был. Точнее, через кого он может все выяснить. И поэтому Люське сейчас не позавидуешь.

– Угадал, – кивнул Ларионов.

– Не угадал, – поправил его домушник, – знаю. Ведь Торба этот шестерка у кого-то. Скорее всего у русского еврейчика, есть такой в столице. Базарит везде, что корни его в Израиле, а сам наполовину хохол, наполовину русский. Он всей этой хреновиной занимается. Я про побрякушки говорю.

– Кто такой? – спросил Ларионов.

– Да хорош, начальник, – затягиваясь, махнул рукой Илья, – не держи меня за дурака. Ты же в курсе всех этих дел, так что не надо...

– Я инспектор угро, – напомнил капитан, – и мне все эти дела с драгметаллами и камнями до лампочки.

– А ты ведь из-за Бешеного прикатил, – улыбнулся Отмычка. – Я-то уж было загордился. Думаю, во дожил, за мной инспектора МУРа присылают. А ты знаком был с оборотнями? Вот нахапали.

– Давай оставим их дела им, – недовольно ответил Ларионов.

– Въехал. Ты же муровец, и неприятно сознавать, что в

семье не без урода. – Отмычка засмеялся. – А то все МУР да МУР! Оказывается, и там святых нет.

– Хорош! – зло бросил капитан. – Ты мне лучше поподробнее про этого, как ты сказал, русского еврея поведай.

– Да знаете вы все лучше меня, – отмахнулся домушник. – Когда в столицу едем?

– Как только, – усмехнулся Ларионов, – так сразу.

– Все, мужики, – плотный молодой мужчина с пятизарядным карабином в руках сел на пенек, – кончайте с этим делом. Золотишко мы у вас берем, – он кивнул на стоявший у входа в шалаш десятилитровый бачок, – бабки получите через месяц. А это на жизнь. – Он дал знак смуглому парню. Тот вытащил из рюкзака пакет и бросил на сколоченный из старых досок стол.

– Слышь, Кнут, – недовольно буркнул рыжебородый здоровяк, – мы же так не договаривались. Нам сказали, что как только...

– Короче, мужики, – закуривая, оборвал Кнут, – берите бабки и не доводите до греха.

Рыжебородый усмехнулся и выхватил револьвер. Невысокий и Суслик, отскочив, вскинули карабины. Одновременно щелкнули оружейные предохранители. Смуглый попытался ногой выбить револьвер из руки рыжебородого. Хлопнул выстрел. Парень упал. И сразу ударил выстрел карабина Суслика. Не успевший выхватить пистолет парень у вездехода с пулей во лбу упал. Кнут замер.

– Да вы что? – прохрипел он.

– Слушай, ты! – Рыжебородый приставил револьвер к его лбу. – Колись, падла, что там за дела и каким боком это может задеть нас?

* * *

– Так... – Кутрич осмотрел небольшое помещение. – Вроде все нормально. Где станки? – Он взглянул на плешивого мужчину лет пятидесяти.

– Кристина Аркадьевна ничего не сказала, – ответил тот. – Они с тремя парнями погрузили станки на машину и уехали.

– Вот что, – недовольно проговорил Леонид, – забудь про это. И никому ни слова о цехе. Сюда завтра привезут оборудование для изготовления игрушек. И если кто-то когда-то спросит, что здесь было, всегда отвечай – что-то пробовали, не получилось, а сейчас игрушки будут делать. Понял?

– А что пробовали-то? Словам сейчас не очень верят. Особенно если вопросы будет задавать милиция. Насколько я понял, из-за этого все и свернули. Дело, конечно, ваше, но ведь люди здесь работали, и как бы разговоры не пошли по городу. Без денег народ всегда злой и тех, кто заработка лишил, не по-доброму вспоминает.

«Он прав», – подумал Кутрич.

– Тогда так, – сказал он. – Всех обойди и сообщи, что это временный простой. Все получают по триста долларов, вроде

как отпускные. Ну а если кто рот откроет, то мало того, что на нарах окажется, вообще долго не проживет. Все понял, Фролыч?

– Смотри-ка ты, – улыбнулся плешивый, – помнишь, как меня кличут. Хороший ты хозяин. И если бы вел это дело на законном основании, цены бы тебе не было.

– Так к тому и шел, – улыбнулся Кутрич, – но ведь открываться сейчас – знаешь каких денег стоит? – Он вздохнул. – Хотел подзаработать и дело свое открыть.

– А вот брехать, Ермолаич, – улыбнулся Фролыч, – не надобно. Не к лицу это такой фигуре, как вы. Я ж не молодец нынешний, сам за такое под судом по молодости был. Правда, обошлось, – он перекрестился, – так тюрьмы и не довелось хлебнуть. Когда деньги большие мимо закона идут, уж больно расставаться с ними не хочется. И себя постоянно успокаиваешь: обойдется все.

– А ты умный мужик, Фролыч, – Кутрич рассмеялся, – и, кстати, мастер хороший. В общем, сутки поохраняй помещение. Вот телефон, если что, звони в милицию. – Он протянул Фролычу мобильник.

– Вы меня пользоваться им научите. А то я такие у людей-то видал, а пользоваться не приходилось. Насчет охраны не волнуйтесь. Я кликну сына с племянником. Они лбы здоровые, вот и посидят. Только, конечно, что-нибудь для поддержания штанов надо бы. Ведь сейчас и муха просто так не сядет...

– Современный ты человек! – развеселился Леонид. – Вот держи, – он протянул ему двести долларов, – а за работу получишь завтра.

– Кнут все сделает как надо, – говорил Илине Бык, – он умеет убеждать.

– Надеюсь не разочароваться. В общем, вот что: в городе говорят про арест Алимова, про домушника, которого охраняет муровец. Я хочу знать, от кого все это исходит. Ведь если начались такие разговоры, то и милиция наверняка что-то знает. Надо найти...

– Если разговоры идут среди деловых, – успокоил ее Бык, – то до ментов это не дойдет. На Барона, конечно, многие ножи точат, но подставлять его под ментов никто не станет. Так что успокойтесь.

– Но откуда все всё знают? Ведь не исключено, что и до милиции как-то дойдет.

– Илина Борисовна, менты наверняка все знают, и уже довольно давно. Ведь сколько раз к вам приезжали. Но сейчас за то, что про тебя кто-то что-то говорит, не сажают, не тридцать седьмой год и не советская власть, когда заимел тачку, а завтра менты с обыском наедут. Сейчас знают, что вор в законе, и ничего. А раньше они все по тюрьмам сидели. Хотя сейчас настоящих воров в законе...

– И все-таки, – перебила Илина, – узнай, о чем я просила. Как говорят, дыма без огня не бывает.

– Хорошо, – согласился Бык.

– Вот блин, – войдя, усмехнулся Вячеслав, – не берут никуда. Вы, говорят, вояка и воевали не раз. А нам люди с подобной психикой не нужны. И что делать? Деньги-то скоро закончатся.

– Думаю, – улыбнулась чистившая картошку Маша, – что волноваться не надо. Пока деньги у тебя есть, я зарплату получаю и даже детские дают.

– Слышь, сестренка, – сев на стул, вздохнул Вячеслав, – может, все-таки расскажешь, откуда Ванька взялся? Я считал, что ты...

– Давай не будем об этом, – тихо попросила Маша. – Так получилось. Знаешь, я сначала расстраивалась, да и многие на меня с усмешкой или жалеючи смотрели. А некоторые даже советовали аборт сделать, а потом, когда Ваня родился, предлагали в детдом его отдать. А я...

– Если бы ты это сделала, – перебил Вячеслав, – сам бы тебя пришиб. Коли забеременела, рожать должна. А мы с этим делом справимся. Только мне все-таки хотелось бы узнать, от кого Ванюшка.

– А зачем? Поедешь морду бить и за честь сестры заступаться? Так он меня не насиловал. Обещал, было это. Но всю жизнь так было и будет всегда, пока люди живут. Я, дура, поверила, но сейчас ни о чем не жалею. И если он вдруг появится, выгоню и даже сына не покажу. Я его не ненавижу, а презираю. Ванька мой сын, и ничей больше. У него есть мать.

– Вообще-то, – улыбнулся Вячеслав, – и дядя еще имеется. Вырастим, не хуже других будет. А что о том Казанове не говоришь, может, оно и верно. Прости меня за вопросы. Главное, сюрприз ты мне преподнесла, – он рассмеялся, – не ожидал...

– А ты думал, после пяти лет войны приедешь и все так же будет? – улыбнулась Маша. – Я сейчас даже рада, что так получилось. Сначала, конечно, переживала... А вообще давай больше никогда об этом не говорить.

– Заметано, – как когда-то в детстве, кивнул брат. Посмотрев на часы, зевнул. – Пойду ванну приму и спать. Завтра пройдуся, может, все-таки пристроюсь куда.

– Слава, – вздохнула Маша, – а ты знаешь, что с Леной случилось?

– Нет, а что? – поднявшись, без интереса спросил он.

* * *

– Господи, – нервно шептала Лена, – да что же это такое? Звонят и ни слова не говорят. Господи, хоть уезжай куда-нибудь. В милицию уже два раза ходила, все без толку. Сейчас, говорят, телефонный терроризм в моде у скучающих оболтусов. А может, и любит вас кто, а сказать стесняется. – Достав сигарету, она прикурила и, закашлявшись, тут же потушила в пепельнице.

– Мама, – из комнаты вышел сын, – смотри, что я нари-

совал. – Он протянул ей рисунок. Стараясь улыбаться, Лена увидела смешного человека с каким-то квадратом в руках. – Это дядя с чемоданом.

– Господи, – прошептала она и прижала сына к себе, – и ты забыть не можешь...

– На кой хрен мы эту телку пасем? – лениво проговорил пивший пиво крепкий парень. – Ничего же...

– Завянь, Кролик, – оборвал его водитель. – И не пей больше. Мне нельзя, а запах раздражает.

– Слышь, мужики, – подал голос сидевший на заднем сиденье коренастый крепыш, – а может, трахнем бабенку? Она, блиндер буду, очень даже смотрится. Ну?..

– Тебя Руда тогда сразу кастрирует, – ответил водитель. – И вообще, делайте, как сказано. Нам за это бабки дают. Осталось полчаса, и смена караула, тогда и гульнем.

– Она в окно зырит, – усмехнулся сидевший рядом. – Может, ей лапкой сделать?

– Да завянь ты! – рявкнул водитель.

«Точно, – думал стоявший за углом дома Вячеслав, – пасут. Трое. Пасут нагло. Запугивают, что ли? Скорее всего так оно и есть. Потом вынудят отказаться от показаний. Так, – он достал записную книжку и ручку, – номер двести сорок один. Городская».

– Что-то Кнут молчит, – лениво проговорил сидевший за рулем джипа патлатый парень.

– Да он бы и вернуться уже должен, – сказал сидящий ря-

дом.

– Может, эта японская чудо-техника крякнула? – предположил верзила с заднего сиденья.

– Скорее всего, – кивнул водитель. – Говорил же, лучше пехом. Тут делов всего километра четыре, ну пять. Так Кнут с комфортом любит передвигаться. Забыл, что в Японии природа другая. – Он рассмеялся. – По этим сопкам хрен на технике покатаешься. Пешком и только пешком.

– Слышь, парни, – отдуваясь, сказал сидящий рядом с водителем, – а если эти его того, в общем...

– Да хорош тебе! – перебил водитель. – Чтобы эти землеройки...

Из зарослей раздалась три выстрела. Сидевшие в машине, получив по пуле в голову, обмякли. С трех сторон к джипу подбегали вооруженные старатели.

– Здорово, Петька! – Вячеслав пожал руку высокому черноволосому мужчине.

– Привет, дикий гусь! – басом отозвался тот. – Навоевался или снова?..

– Видно будет. Ты сейчас в органах, мне Машка сказала. Так?

– Да, – кивнул тот. – А ты что, к нам собрался? Так давно пора. Платить больше стали.

– Да я сейчас не об этом говорить пришел. Тут видишь, какое дело. Ты знаешь Ленку Скворцову?

– Ее сейчас любой мент знает. Благодаря ее сыну курьера

с драгоценностями взяли.

– Понятно. А тогда почему ее не защищают? Или у нас...

– От кого? – перебил Петр.

– Так она уже пару раз обращалась в милицию, ее какие-то придурки запугивают...

– Да слышал я про это. Звонят и ничего не говорят. Так что ничего там существенного нет. К тому же она сама может преувеличивать. Нечаянно помогла задержать...

– Ясно, что ничего не ясно. А вы в курсе, товарищи милиционеры, что около ее дома постоянно находятся молодые люди? И меняются. Я сам это видел.

– И что? – Петр пожал плечами. – Никто не может запретить человеку стоять там, где ему хочется. Даже если они действительно следят за Скворцовой, то могут объяснить все очень просто: кто-то влюбился в нее, и ему нравится видеть, как она ходит. А еще могут объяснить тем, что защищают Скворцову. Пока никаких угроз ни от кого не последовало, мы ничего предпринять не можем. Если будут угрожать, то ей придется это нам доказать. Такой, брат, закон.

– А если ее просто заставят изменить показания? Например, заявить суду, что она не видела никаких драгоценностей... или что она видела, как этот самый чемодан сунули тому мужику милиционеры? Тогда как?

– Слушай, – вздохнул Петр, – я думал, ты поздороваться пришел, вспомнить что-то. А ты мне про эту Скворцову. Да все всё понимают, но закон не позволяет нам ничего сделать.

Ведь конкретного ничего нет. А если она изменит показания, это уже будет... – Не договорив, он покачал головой. – Сейчас такое случается. Или вообще на суд не являются, исчезают. В общем, свидетелей сейчас найти очень и очень трудно. Хотя в данном случае есть две проводницы, да и Скворцова пока не отказывается. Говорит, что какая-то угроза непонятная, но что тут сделаешь? – Петр взглянул на часы. – Может, зайдем ко мне? С женой познакомлю. Она не местная, тоже в отделе работает, с несовершеннолетними. Пойдем?

– Пошли, – согласился Вячеслав.

– Ты не узнал, зачем он в Хабаровск пожаловал? – спросил подполковник милиции.

– Да говорит, – улыбнулся Ларионов, – подальше от Москвы. Скорее всего так оно и есть. Сделал дело и свалил на время. Когда меня увидел, был поражен. Но, правда, все рассказал. Я не пойму, почему в управлении тянут. Везти его надо, чтоб Торбу...

– Там что-то не клеится еще, – перебил подполковник. – Кроме того, понятно, что Торба связан с кем-то из наших. Странно, что Отмычка сюда приехал. А здесь как раз курьер был, его с товаром взяли. Правда, случайно, но тем не менее...

– Да мне это без разницы, – недовольно проговорил капитан. – Я же из-за Бешеного приехал. А теперь с этим домушником приходится возиться.

– А где ты с Отмычкой-то встречался? – спросил подпол-

КОВНИК.

– У него кент по зоне тот еще хищник. Его и сами уголовники кличут не иначе как Зверь. Зверюга в девяносто восьмом «на ура» коммерческий банк брал. С ним двое были. Их положили подоспевшие дэпээсники. Зверюга ранил одного. А нам его сдали. Он в Ярославле у одной дамочки завис. Там и Отмычка был. Он воспользовался тем, что Зверюга стал отстреливаться, собровцев за собой увел, и на машине решил выскочить. Я его и остановил. Жестко остановил. Я думал, он один из новых подельников Зверюги, а тот отморозков набирал. В общем, познакомились. Отмычка в тюремной больнице все следствие провел. Его тогда тоже искали.

– Матерый домушник, а бабы его постоянно губят. Ну никак он не научится не делать подарков.

– Это воровская широта души, – рассмеялся капитан. – Он сам так говорил. Отмычка обычно крутится с теми женщинами, кто и не имеет ничего, и досыта не ест. С такими, говорит, легко. Даже узнают, что вор, но один хрен, как богу, молятся. Вот, говорит, понимаю, что бабкам, а не мне, но все равно кайф ловлю. Завтра комиссия с Бешеным будет работать, узнаю, что и как, и, наверное, домой поеду. Мне ваш Хабаровск почему-то не очень нравится.

– Ты еще во Владивостоке не был. Воды пресной нет. Фонтаны работают, а люди за водой в очередь выстраиваются. Кончился тот прекрасный портовый город. А у нас, как и на всем Дальнем Востоке, с отоплением проблемы, с электри-

чеством. Да и преступность год от года растет и укрепляется. Золото, пушнина, рыба. У нас в крае все есть. Колыма рядом, Якутия. Лес тоже денег стоит. Вот и плодятся группировки. Правда, зачастую ничего толком и сделать не успевают, кончают их конкуренты. А эти убийства нам расследовать. В тайге что творится, и думать об этом не хочется. Порой найдут труп и не сообщают, потому что и так всяков полно, а в тайге труп – стопроцентный всяк. Сейчас, конечно, вроде работай, зарабатывай и устраивай себе жизнь. Но ведь все хотят много и сразу. Поэтому и творится хрен знает что. Ну вот чего можно требовать от того же Отмычки? Он вор. А наши полковники из прославленного МУРа занимались похищением людей, вымогательством и даже убийствами. Ты, конечно, извини...

– В семье не без урода, – хмыкнул капитан.

– В том-то и беда. Куда министр приедет, там и вскрываются внутренние нарывы. И ладно бы рядовой состав, ведь начальники отделов, а то и начальники управления замешаны. Здесь тоже кое-кого поснимали и три уголовных дела завели. И что? Да все так и осталось. И знаешь о некоторых, а... – Не договорив, подполковник махнул рукой.

– Знаете и молчите?

– Думаешь, у вас в МУРе об оборотнях никто не знал? – Подполковник вздохнул. – Боялись. А уж здесь опасаться, как говорится, сам Бог велел. Ты приехал и уехал, а я останусь. У меня семья, родители. Так что это уже не вывести.

Ведь все, кого уличили, не вчера в органы пришли. И знаешь, давай лучше прекратим этот разговор.

– Не вернулся Кнут с парнями, – удивленно сказал вошедший Бык. – Что-то не то вышло у них. Скорее всего положили их золотодобытчики. Бабок ждали, а появился Кнут. Вот и сделали его с парнишками.

– Скорее бы Палач приехал, – пробормотала Илина. – Он сейчас нужен, как никогда. И отпустил его Леонид не вовремя. А вы почему здесь? – напустилась она на Быка и двоих парней. – Не хватало еще, чтобы золотодобытчики явились в милицию и дали показания против нас. Найдите и уничтожьте их.

– Сделаем, – кивнул Бык. – Я с Тайгой свяжусь.

– Это надо было сделать сразу! – закричала Илина.

– Слушай, что я тебе скажу, – сдержанно говорил в сотовый телефон Леонид. – В любое время Алимов может расколоться. Тебя он видел, поэтому, думаю, в первую очередь расскажет следователю о тебе, а уж потом о нас. Представляю, как ты будешь выглядеть...

– Чего ты хочешь? – недовольно спросил мужчина.

– Чтобы Алимов сдох! – воскликнул Леонид. – Неужели непонятно? Сейчас все упирается в него, одно его слово, и нам всем придет конец.

– А Торба в Москве? Он тоже знает...

– Это – не наша проблема, с Торбой успеют разобраться.

К тому же есть еще воришка, которому стоит заткнуть рот, и

все его показания разрушатся. Тем более у Торбы прекрасный адвокат. С ним вопрос решат, я в этом уверен. А вот нашу проблему может решить только...

– А что я могу? – закричал абонент. – Войти в камеру и пристрелить его? Или, может...

– Да делай что хочешь! Алимов должен сдохнуть как можно скорее. Помнишь наши ему обещания? Ведь когда он поймет, что это всего лишь пустые слова, он заговорит и сдаст нас всех, а тебя в первую очередь. О нас, может быть, сразу не скажет, но тебя сдаст, чтобы крикнуть тебе в соседнюю камеру, что...

– Да только недавно, – перебил мужчина, – была проверка. И ты знаешь, чем она закончилась.

– В общем, я тебе все сказал. Тебе надо бояться больше, чем всем нам. Да и твоему коллеге тоже.

– Я ночами не сплю, выискиваю варианты устранения.

– Надо не искать эти самые варианты, а дело делать! – Отключив сотовый, Кутрич отшвырнул его на диван. Выматерился, подошел к бару и достал бутылку коньяка. – Жаль, Палача нет, он бы что-нибудь придумал...

– Короче, переждем здесь, – сказал Суслик, – а там видно будет. Но высовываться сейчас нам нельзя.

– Ты про Тайгу забыл, – угрюмо напомнил рыжебородый. – Зря мы Кнута уделали...

– Зря, – согласился невысокий. – Да они бы тогда нас точно положили. Видел, сколько народу в тачке еще сидело?

Только бы мы вышли на дорогу, и нас ухлопали бы. Так что мы правильно сделали. Пересидим здесь, нас никто не найдёт. Бабки есть, золотишко через Шамана сдадим, получим еще и отвалим.

– Слушай, Филин, – вздохнул Суслик, – Лука верно про Тайгу напомнил. – Он покосился на рыжебородого. – Тайга тот еще следопыт, мать его. Он же по следам как овчарка ходит. А мы пехом топали. Выйдет Тайга по следу на поселок и поймет, что мы тут. А уж дальше для Быка все просто будет. Хорошо еще, что Палача нет. Тот бы сразу нас ухлопал без разговоров. А Кнут – салага по сравнению с Палачом.

– Да хорош жути гнать, – сказал Филин. – Мы тоже не подарок. Кнут со своими и моргнуть не успели, как мы им дырок насверлили. Были бы Палач и Тайга, они бы тоже свое получили. Нас же за дерьмо собачье держали. Но отсидеться надо обязательно. Ништяк Птаха баба своя, и доверять ей можно полностью. Правда, за так она нас укрывать не будет, придется золотишком ее обрадовать, да и...

– Перед тем, – перебил Лука, – как уходить совсем будем. Баба, она и есть баба. Засветит золотишко, и на нас выйдут. Точнее, на нее, а уж она о нас, если спрашивать станут, не умолчит. Так что золотишко отдадим, когда будем отваливать. Сейчас бабками рассчитаемся.

– Неделя – сто баксов, – вмешался Суслик. – Надо ее на интересе держать. Если сразу все отдадим, может заартачиться. А сотне зелени в неделю она рада будет и нас не

сдаст. Выхода на Птаху ни у кого из людей Барона нет, так что все путем. А то, что Тайга до поселка дойдет, хрен с ним. Пусть поселок прочесывают. Здесь нас с собаками и то трудно найти будет. Мужик Птахин знал, что делал. Он из зон дважды через подкопы уходил, за это и кликуху Крот получил. Правда, в третий раз не подфартило – обвалился подкоп, его там через неделю нашли. Кровью изошел. Ему лопата руку перерубила, когда...

– Да знаем мы, – кивнул Лука, – вместе же на зоне были. А она точно нас не вышибет?

– Конечно, нет, – ответил Суслик. – Я с ней неделю назад говорил. Она ждала нас, – он кивнул на три раскладушки в комнате, – и холодильник полный. В подвале суп сварен, пельмени. Птаха – баба классная! – Он улыбнулся.

– Они к Кукану пошли, – сообщил севший на поваленный ствол бородач в камуфляже. Рядом он положил винтовку с оптическим прицелом. – Есть там у них кто?

– Да хрен их знает, – пожал плечами Бык. – Вроде они все время по тайге лазали. Но я парнишек пошлю, пусть посмотрят...

– Осторожнее только, – предупредил бородач. – Там участковый – легавый по-полному, шерстит поселок постоянно. Если чужаков заметит, сразу требует документы. Даже если они там, он их спугнет. Да и не примет никто их, побоятся.

– Значит, из поселка они свалят, – проговорил Бык. – За-

пасутся продуктами и свинтят.

– Я займусь ими, – сказал бородач. – Завтра, ну от силы послезавтра ихние головы в мешке будут. Палач вернулся?

– Нет еще. Видать, отдохнуть понравилось, – рассмеялся Бык. – Но вроде Илинка базарила, что вот-вот должен появиться.

– А что с Алимовым?

– Пока молчит. Но кто его знает, сколько времени он продержится?

– Его валить надо, он вот-вот заговорит. А знает Алим про все и всех. Убирать его надо. Что же менты, которые на Барона пашут, никак не могут его шлепнуть? Дождутся, сдаст всех Алим. Про меня он не особо чего знает, но ментам и того, что он скажет, вполне хватит. Однако брать меня замучаются. Я обо всех наездах и облавах за пару дней узнаю. Может, мне и перетереть насчет Алима? – Бородач задумчиво посмотрел на Быка. – Хотя нет, своего человека я подключать не стану. Пусть сами решают все дела. А он точно случайно влип?

– Случайно, – кивнул Бык, – сам виноват. За дипломат, как новорожденный за материнскую титьку, ухватился. Но убирать его, конечно, надо. Палач прикатит, может, разберется с этим. И Илина о чем-то перетирала с Зубром. А о чем – хрен его знает.

– Зубр свою контору наемных убийц имеет. И когда в тюрьме надо кого-то сделать, к нему обращаются. Правда, с

Алимом у него может и не выйти. Тут дело крупное, и вполне Генеральная прокуратура может следствие вести. Тем более что в столице этот Торба засветился. Значит, надо и Алима убирать, и этого домушника. Вот уж не думал, что такого, как Торбу, обворовать можно. Я, когда в Москве был, к нему заезжал: хуже тюрьмы – сигналка везде. Он, когда все отключал и входил, я время засек. Двенадцать минут с секундами Торба собственный дом открывал. А этот домушник влез и сейф вскрыл. Что-то здесь не так... Вообще-то об этих уши не ломай, найду я троицу эту. А с теми, кто на Змейке работает, что решили?

– Да никто ничего не говорил. На Змейке мужики вроде как сами по себе. У них и разрешение имеется. Просто не все золото они в казну сдают, так что пусть пашут, и нервировать их не надо.

– Мне с Медянки передали, а ты сообщи Барону: какая-то группа одиночек шерстит. Работают жестко, живых не оставляют. И не выбирают или пасут. Набрели – бьют сразу. Надо бы узнать, не парни ли это Палача. А то, если заявятся в эти края, придется решать с ними что-то. Так ты, смотри, не забудь. Я сам чуть было не запомнил с этим базаром об Алиме и домушнике.

– Скажу, – кивнул Бык.

– Пятеро, – доложил в переговорное устройство молодой мужчина в камуфляже. – Видно, уже порядком тут кантуется. Даже домик смастерили. Что с ними...

– Что и со всеми, – не дал договорить ему мужской голос.

– Значит, он не поверил в наш выход на рынок? – Лев Игнатьевич усмехнулся.

– Не то что не поверил, а как-то неопределенно, – ответил Станислав. – Над ним вроде стоит кто-то. По крайней мере мне так показалось.

– Вряд ли. Воевода на московском рынке по этому делу самый авторитетный тип. Через него все поступления и покупки идут. Там только те, кому он доверяет. Он совершенно прав: слишком много случайных людей – больше вероятность провала. Ты, наверное, что-то не то и не так говорил. Хотя это всего лишь слова. Удивительно, что он вообще встретился с тобой.

– Я убил его людей, – улыбнулся Станислав, – без этого я к нему приблизиться не отважился бы.

– Убил двоих, – поразился Лев Игнатьевич, – и после этого пошел к нему? Это уже не наглость, а нечто большее. И не боялся?

– Не без того, но выбора не было. Когда вышел на подругу домушника, как раз...

– Ты об этом уже говорил... теперь скажи, что ты думаешь о Воеводе?

– Думаю, – Станислав немного помолчал, – что он на кого-то работает. И не убил ни меня, ни Глеба только по той причине, что тому, кто над Воеводой, стало интересно. Наверняка очень скоро меня через Глеба вызовут в Москву. Ду-

маю, попросят показать образцы наших изделий.

– А кто такой Глеб? – спросила Элеонора.

– Мой друг, – взглянул на нее Станислав, – и человек, благодаря которому состоялся мой разговор с Воеводой.

– Получается, он все знает?

– Он ничего не знает, кроме того, что я хотел поговорить с Воеводой. Он когда-то работал на него, а кроме того, именно он помог мне убрать тех двоих. Он рисковал, когда...

– Я же говорила тебе, – Элеонора обратилась ко Льву Игнатьевичу, – он хочет...

– Прошу тебя, не мешай, – сдержанно ответил муж. – Я знаю, что делаю, и абсолютно уверен в Станиславе.

– Благодарю вас, Лев Игнатьевич. – Станислав наклонил голову.

– Но Аркадий, – начала Элеонора, – говорил, что...

– Я просил тебя помолчать, – опять остановил ее муж. – Приготовь кофе, – явно выпроваживая ее, сказал он.

– Хорошо. – Элеонора вышла.

– Эля, – раздался мужской голос, – подождите. Это должны слышать все.

В комнату вошел Аркадий. Остановившись, насмешливо посмотрел на Станислава.

– Нехорошо, Горец, пользоваться чужой славой.

Станислав невозмутимо смотрел на него.

– Может, расскажешь, – проговорил Аркадий, – как все получилось на вокзале? Ведь Лев Игнатьевич считает тебя

исполнителем операции по наведению ментов на курьера Воеводы. А как было на самом деле?

– Алимов попал в милицию, – спокойно ответил Станислав. – Мне кажется...

– Но ты уверял, – не дал закончить ему Аркадий, – что ты помог...

– Станислав, – Лев Игнатьевич строго посмотрел на него, – что это значит?

– Так спросите об этом его, – Станислав кивнул на Аркадия, – пусть он все и объяснит.

– Все было очень и очень просто, – засмеялся тот.

– Говори по сути, Аркадий, – недовольно предложил Лев Игнатьевич.

– Все случилось благодаря поскользнувшемуся мальчику лет пяти, – не сводя взгляда с лица Станислава, сказал Аркадий. – Никаких действий со стороны Горца не наблюдалось. Мальчишка поскользнулся и инстинктивно ухватился за дипломат. Алимов, естественно...

– Совершенно случайно там оказалась милиция, – спокойно перебил его Станислав.

– Они просто стояли там, – смешавшись, сказал Аркадий. – И...

– Просто так, – усмехнулся Станислав, – милиция не останавливается, тем более у поезда, который подан на посадку. Если они ходят вдоль состава, значит, высматривают находящихся в розыске. Я, впрочем, не намерен ничего объяс-

нять. – Он повернулся ко Льву. – Есть вопросы – спрашивайте Аркадия.

– Слушай, – процедил Лев Игнатьевич, глядя на Аркадия, – не знаю, чего ты добиваешься, но если еще раз ты попытаешься посеять во мне недоверие, я сначала убью тебя, а потом уж буду решать, виновен тот, о ком ты говорил, или нет. Пшел вон! – Повернувшись, он ожег взглядом стоящую у двери Элеонору. – А ты почему еще здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.